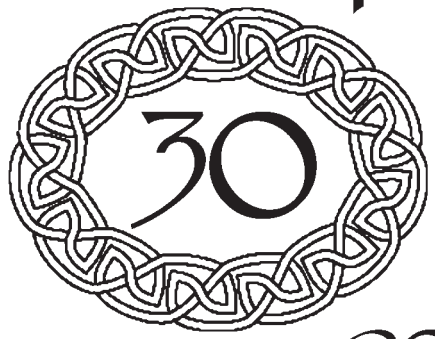

ՋՄՐՈՍ
ՄՈՒՆԻՍՏԵՐԱԿՈՒՆՆԵՐՆԵՐԻ
ՀԱՅԿԻՆՏԵՐԵՐԻ

ՈՒՍՏՆԱԿ

ՄԱՐՏ

2002

: ի թշուար :

: ի թուա թշուարս խորհի և արարի :

Д.О.Виноходов. Толкинистика: принципы и проблемы методологии 3

Т.Шиппи. Дорога в Средьземелье (перевод М.Каменкович) 17

Д.В.Громов. Сообщества толкиенистов как инициационная группа. 37

На последней странице - картина Моргул "Эпокоища"

Palantir®

ПАЛАНТИР
№ 30 2002
 ЖУРНАЛ
 ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
 САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

*Этот номер для вас сделали:
 Аратанве Эондил, Золтан Бардинг, Моргул, Тлорин Эйкинсьялди*

Наш адрес: 191186 Миллионная 15-13
 E-mail: zoltan@tolkien.ru eondil@mail.ru 2:5030/1171.35@FidoNet

Наш сайт: <http://tolkien.by.ru>

Copyright ©2002, Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание журнала не преследует коммерческих целей.

Редакция благодарит автора использованных в издании шрифтов Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниела Стивена Смита.

ТОЛКИНИСТИКА

ПРИНЦИПЫ И ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

ВВЕДЕНИЕ

Творческое наследие Дж. Р. Р. Толкина представляет собой уникальное и исключительное явление мировой культуры. За книгой *Хоббит, или Туда и Обратно*, первоначально воспринятой читателями, как обычная детская сказка, скрывался широчайший мир, в процессе творения которого писатель провел практически всю свою жизнь. Подобно тому, как по мере погружения в океанские воды аквалангисту постепенно открывается гигантская подводная часть айсберга, публикация новых и новых фрагментов текстов и черновиков Дж. Р. Р. Толкина все ярственнее демонстрирует нам величие и многообразие грандиозного авторского мифологического эпоса, обогащая наше понимание созданного им мира – Арды – и позволяя сделать очередной шаг к постижению феномена его произведений.

В русскоязычном культурном пространстве интерес к книгам Дж. Р. Р. Толкина особенно распространен среди людей, которые не являются специалистами в области литературоведения. Количество самых разнообразных исследований, появившихся в любительских сборниках, журналах и в компьютерных сетях к концу XX в. оценивается не менее чем четырехзначным числом. В то же время многие чопорные представители академических кругов все еще относятся к данной теме высокомерно и пренебрежительно, но несмотря на это, по имеющимся в нашем распоряжении сведениям, к 2001 году в СССР и в России были защищены не менее шести диссертаций (одна из них – докторская), в той или иной мере посвященных анализу творчества Дж. Р. Р. Толкина [1, 3-6, 8].

В странах запада ситуация более благоприятна (хотя и там некоторые «серьезные» ученые продолжают считать исследователей творческого наследия Дж. Р. Р. Толкина маргиналами [7]). Количество публикаций по вопросам толкинистики на основных европейских языках превышает русскоязычные, как минимум, на один-два порядка, при этом особо обращает на себя внимание обилие работ крупных форм – монографий и диссертаций. Таким образом, по нашему мнению, в настоящее

время уже можно говорить о формировании **толкинистики**, как отдельной и достаточно специфичной области знаний.

Какие же пути избирают исследователи в своей работе? Что принимают в качестве точек отсчета? Какие методы используют? Уже более тридцати лет идут дискуссии о жанровой принадлежности и способах изучения *Властелина колец* [2] и иных книг из цикла об Арде. Эти произведения анализируют не только с позиций разнообразных литературоведческих школ, но зачастую используют теории из иных дисциплин, а порой даже такие приемы, которые, казалось бы, далеки от современной науки. При этом характерно, что граница между научными и любительскими исследованиями весьма размыта [7]. Все это, по нашему мнению, является следствием отсутствия в литературе прямых аналогов мифологического эпоса, созданного Дж. Р. Р. Толкином, и свидетельством непрекращающегося поиска нетрадиционных точек зрения на него, необходимость которого диктуется именно исключительностью феномена Арды.

Несмотря на разнообразие и индивидуальность существующих подходов, они поддаются определенной систематизации, имеется возможность выделить определенные принципы, лежащие в их основе, а также обозначить проблемы, возникающие в процессе их применения. Попытки осветить некоторые из них предпринимаются в нижеприведенных работах.

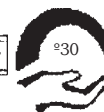
Литература

1. *Кабаков Р. И.* "Повелитель колец" Дж. Р. Р. Толкина и проблема современного литературного мифотворчества. Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Л., 1989. – 18 с. – <http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/about/avtoref.shtml>
2. *Кабаков Р.* Творчество Дж. Р. Р. Толкина как литературоведческая проблема// Палантир. – 1997. – №2. – С. 16-18; 1997. – №3. – С. 8-10; 1997. – №4. – С. 8-12.
3. *Ковтун Е. Н.* Типы и функции художественной условности в европейской литературе первой половины XX века. Автореф. дисс. докт. филол. наук. – М., 2000. – 58 с.
4. *Кошелев С. Л.* Философская фантастика в современной английской литературе (романы Дж. Р. Р. Толкина, У. Голдинга, К. Уилсона 50-60-х гг.). Автореф. дис. канд. филол. наук – М., 1983. – 16 с. – <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/manuscr/koshel83.shtml>
5. *Лихачева С. Б.* Аллитерационная поэзия в творчестве Джона Рональда Руэла Толкина. Автореф. дисс. канд. филол. наук. – М., 1999. – 22 с.
6. *Лузина С. А.* Художественный мир Дж. Р. Р. Толкена. Поэтика. Образность. Автореф. дисс. канд. филол. наук. – М., 1995. – 20 с.
7. *Муни К.* Пинок хоббиту/ Пер. с англ. НН. – <http://fan.theonering.net/henneth-annun/stories/nn257.htm>
8. *Штейнман М. А.* Поэтика английской иносказательной прозы XX века (Дж. Р. Р. Толкин и К. С. Льюис). Автореф. дисс. канд. филол. наук. – М., 2000. – 24 с.

I. ОСНОВНОЙ ВОПРОС ТОЛКИНИСТИКИ

*"Ах ты гой еси, правда-матушка!
Велика ты, правда, широка стоишь!
Ты горами поднялась до поднебесья,
Ты степями, государыня, раскинулась,
Ты морями разлилася синими,
Городами изукрасилась людными,
Разрослася лесами дремучими!
Не объехать кругом тебя во сто лет,
Посмотреть на тебя – шапка валится!
Выезжало семеро братьев,
Семеро выезжало добрых молодцев,
Посмотреть выезжали молодцы,
Какова она, правда, на свете живет?
А и много про нее говорено,
А и много про нее писано,
А и много про нее лыгано.*

*Поскакали добры молодцы,
Все семеро братьев удалых,
И подъехали к правде со семи концов,
И увидели правду со семи сторон.
Посмотрели добры молодцы,
Покачали головами удалыми
И вернулись на свою родину;
А вернувшись на свою родину,
Всяк рассказывал правду по-своему;
Кто горой называл ее высокою,
Кто городом людным торговым,
Кто морем, кто лесом, кто степию.
И поспорили братья промеж собой,
И вымали мечи булатные,
И рубили друг друга до смерти,
И, рубясь, корились, ругались,*

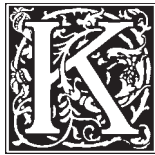

*И брат брата звал обманщиком.
Наконец полегли до единого
Все семеро братьев удалих;
Умирая ж, каждый сыну наказывал,
Рубитися наказывал до смерти,
Полегли за правду за истину;*

*То ж и сын сыну наказывал,
И доселе их внуки рубятся,
Все рубятся за правду за истину,
На великое себе разорение.
А сказана притча не в осуждение,
Не в укор сказана – в поучение,
Людям добрым в уразумение.”*

Толстой А. К. «Правда»

Каждый, кто участвовал в дискуссиях по каким-либо вопросам, связанным с толкованием или интерпретацией отдельных сюжетных линий и персонажей произведений Дж. Р. Р. Толкина, либо читал работы по отдельным проблемам толкинистики, имел возможность убедиться, что проводимые рассуждения зачастую приводят различных исследователей к несхожим и даже противоположным выводам. Данная ситуация не должна удивлять нас – ведь, помимо полноты охвата существующего текстового материала, решение любой частной проблемы определяется еще и той позицией, которую исследователь занимает по отношению к миру Арды, тем, как он отвечает на **Основной вопрос толкинистики (ОВТ) – Что представляют собой тексты Дж. Р. Р. Толкина, относящиеся к циклу об Арде?**

Вопрос этот в толкинистике занимает приблизительно такое же положение, что и Основной вопрос философии (ОВФ) в «науке наук». В своей элементарной форме ОВФ предлагает каждому человеку решить, что первично, материя или сознание. В зависимости от того, как человек отвечает на этот вопрос, он является либо материалистом, либо идеалистом. Разнообразие философских воззрений таким разделением конечно же не исчерпывается, дальнейшая дифференциация происходит лишь при более подробном осмыслении ОВФ, как общего вопроса “*об отношении мышления к бытию*” (Ф. Энгельс). Но в общем случае, решая любую частную философскую проблему, философ исходит из своего понимания ОВФ. Поэтому естественно, что на один и тот же частный философский вопрос материалист и идеалист вполне могут дать различные ответы и спорить между собой до хрипоты, порой не замечая, что корень разногласий находится еще в первоосновах их рассуждений. Мнения материалистов и идеалистов по частным философским вопросам могут быть (и часто бывают) несовместимы между собой, но это не означает, что от одного из них нужно непременно отказаться, ибо рассмотрение этих мнений в комплексе помогает составить более полное представление об изучаемом предмете.

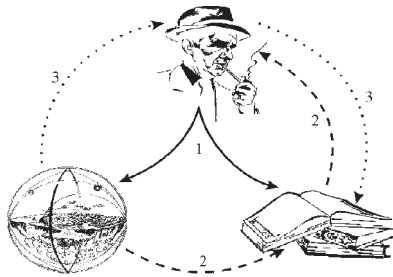

Рис. 1. Графическая интерпретация ОВТ (пояснения в тексте).

ОВТ является частным случаем ОВФ. Однако, в отличие от ОВФ, поставленного в отношении двухкомпонентной системы «материя – сознание», ОВТ в своей элементарной форме предлагает

определить направление информационных потоков в системе из трех компонентов «Арда – Толкин – тексты» (рис. 1). При этом тексты являются материальным компонентом и единственным объектом, который мы можем изучать непосредственно. Толкин (вернее, его сознание) – идеальным. А материальность/идеальность первого компонента системы, Арды, также как и вопрос о ее тождественности/различии с объективно существующим миром, могут толковаться по-разному [4, 12]. Первый вариант ответа на ОВТ (рис. 1, первая пара стрелок) предполагает, что и Арда, и тексты являются продуктом автономной творческой деятельности Дж. Р. Р. Толкина. Второй вариант (рис. 1, вторая пара стрелок) постулирует происхождение текстов непосредственно из Арды и последующее поступление их к Дж. Р. Р. Толкину. Третий же вариант (рис. 1, третья пара стрелок) допускает возможность направления информации из Арды напрямую в сознание Дж. Р. Р. Толкина и дальнейшее изложение ее Дж. Р. Р. Толкином на бумаге в виде текстов.

Элементарная форма ОВТ подобно элементарной форме ОВФ, не дает полного представления о разнообразии взглядов толкинистов на мир Арды. Поэтому требуется развернутая форма ОВТ. Повторим ее: что представляют собой тексты Дж. Р. Р. Толкина, относящиеся к циклу об Арде? В такой форме ОВТ предлагает определиться не только с направлением информационных потоков в вышеописанной системе, но и высказать отношение к единственному компоненту этой системы, к которому каждый желающий может получить непосредственный доступ – к текстам.

Представим себе, что мы еще пока никогда ничего не слышали о книгах Дж. Р. Р. Толкина. И вот перед нами находится стол, на котором лежат три издания *Хоббита*, два издания *Властелина колец*, *Сильмариллион*, *Неоконченные сказания*, двенадцать томов *Истории Средиземья*, *Приключения Тома Бомбадила*, *Дорога вдалеку бежит*, *Письма Дж. Р. Р. Толкина*, *Письма Деда Мороза*, *Роверандом*, а также сборники рисунков Профессора. Что нам делать с этой горой? Как ее изучать? Чтобы принять решение, необходимо сперва ответить: что это за тексты?

Физик, желающий наблюдать свойства электронов, может представить себе их в виде частиц. В соответствии с этой гипотезой он выберет методы исследования и будет изучать корпускулярные свойства. Но он может представить себе электроны в виде волн, тогда методы исследования будут иными, и изучать он будет волновые свойства.

Ответим же на наш вопрос и мы. И в зависимости от ответа выберем тот или иной подход к изучению текстов. В соответствии со спецификой каждого из наиболее распространенных вариантов ответа на ОВТ можно выделить по крайней мере пять таких подходов: филологический, психоаналитический, исторический, визионерский и религиозный. Приведем их краткую характеристику.

* * *

Сторонники **филологического подхода** видят в текстах Дж. Р. Р. Толкина прежде всего произведения художественной литературы – законченные и опубликованные книги, рукописи, черновики, письма и комментарии, повествующие о мире, выдуманном профессором Оксфордского университета, а изучение этих материалов, соответственно, ведут с позиций литературоведения. При этом полагают, что с объективной реальностью эти тексты связаны лишь через их родство с эпическими циклами народов северной и западной Европы, католической религиозной концепцией и английской литературной традицией.

Роль Дж. Р. Р. Толкина при таком подходе определяют четко и однозначно, как роль человека, придумавшего свой воображаемый мир, и автора существующих текстов (рис. 1, первая пара стрелок). Мир Арды постепенно эволюционировал в его сознании (рис. 2), параллельно, в соответствии с этой эволюцией, Дж. Р. Р. Толкин изменял и тексты. С такой точки зрения Арда является пятимерным миром, она имеет три обычных пространственных измерения и два временных – физическое и эволюционное. Именно последнее измерение и является одним из основных предметов изучения в филологическом подходе, который, таким образом, рассматривает не столько собственно мир Арды, его внутреннее устройство и историю, сколько процесс его создания писателем.

Филологический подход является наиболее реалистичным из существующих и потому имеет неоспоримое право на существование. Его признавал и сам Дж. Р. Р. Толкин, утверждая, что *Властелин колец* – “в конце концов **только книга, литературное произведение, а не подлинная историческая хроника**” (Letters, №153).

Современное литературоведение предоставляет в руки исследователя целый арсенал разнообразных методов и подходов. И потому понятен соблазн филологов испытать на практике

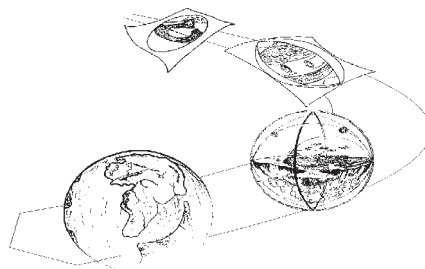

Рис. 2. Эволюция Арды в сознании Дж. Р. Р. Толкина.

каждый из них. Как отмечает Р. И. Кабаков, “*Властелин колец кажется открытым любой литературоведческой интерпретации: биографической, фрейдистской, юнгианской, морально-философской, структуралистской и т. д. Книга напоминает своего рода литературоведческий «полигон» для отработки различных способов и приемов анализа.*” [7].

Примеры применения филологического подхода хорошо известны. Помимо диссертаций, о которых шла речь во *Введении*, в его рамках написано множество отдельных статей и даже целые монографии. Из наиболее свежих и характерных работ упомянем доклады С. Таскаевой [14], Е. Кинн [8] и Н. Некрасовой [11], прозвучавшие во время проведения Круглого стола «Профессор Толкин и его наследие» в апреле 2000 года в РГГУ (Москва). Мы не будем подробно останавливаться на их рассмотрении, поскольку они общедоступны и достаточно лаконичны, поэтому практически каждый желающий может легко ознакомиться с ними самостоятельно. Отметим лишь, что работы такого рода касаются в основном мифологических и архетипических корней творчества Дж. Р. Р. Толкина. Кроме этого существуют разнообразные исследования специфики художественного метода Дж. Р. Р. Толкина, жанровой принадлежности его произведений, поэтики стихотворных текстов, попытки анализа отдельных персонажей, прочтения книг как неких аллегорий и другие [7].

Причины трудностей и неудач, которые преследуют многих сторонников филологического подхода, их коллеги объясняют искусственностью и даже чуждостью некоторых из применяемых методов, предвзятостью исследователей, а также специфической природой произведений Дж. Р. Р. Толкина, которые не вписываются в рамки законов современной литературы [7]. По нашему же мнению, основной недостаток филологического подхода состоит в том, что возможности анализа внутренней структуры мира Арды и событий, происходивших в ней, в рамках этого подхода существенно ограничены, поскольку поиск источников причинно-следственных связей его сторонники проводят прежде всего за пределами этого загадочного мира – в северной мифологии, в христианском богословии, в английской литературе, в событиях, произошедших в мире во время жизни Дж. Р. Р. Толкина и повлиявших на его творчество, и так далее. По этой причине абсолютизация филологического подхода, как нам кажется, чревата сведением сущности Арды к сугубо художественному миру, лишенному внутренней жизни, каких в мировой литературе превеликое множество. Тем не менее филологический подход весьма ценен тем, что позволяет вскрыть корни взглядов Дж. Р. Р. Толкина на различные аспекты описанных им событий, а также проследить эволюцию авторского замысла. В этом качестве значение филологического подхода трудно переоценить.

* * *

Психоаналитический подход дает возможность взглянуть на работы Дж. Р. Р. Толкина, как

на продукт подсознательной психической деятельности головного мозга писателя, как на проявление его Бессознательного. Сторонники психоаналитического подхода полагают, что Дж. Р. Р. Толкин, будучи профессиональным исследователем мифологической литературы, так глубоко вжился в мифы и сказки, что Арда, его собственный авторский миф, оказалась состоящей едва ли не из одних лишь архетипов и потому являет собой адекватное выражение всего психологического наследия человечества и находится в полной гармонии с Бессознательным [16]. Именно этой особенностью книг Дж. Р. Р. Толкина объясняют и то воздействие, которое они оказывают на подсознание читателей [17].

Роль Дж. Р. Р. Толкина в данном подходе подобна таковой в филологическом подходе, он также является первопричиной возникновения Арды и появления текстов (рис. 1, первая пара стрелок), но если филологический подход связывает эти процессы с сознательной творческой деятельностью, то подход психоаналитический анализирует в первую очередь подсознательную составляющую творчества и изучает по сути дела не мир Арды и даже не процесс его создания, а личность автора текстов, в частности вопросы наличия у него тех или иных комплексов [3].

Хотя психоаналитические школы в настоящее время воспринимаются далеко не однозначно, все же, вероятно, следует признать, что психоаналитический подход имеет под собой определенные основания и в принципе ничто не препятствует его использованию для анализа текстов Дж. Р. Р. Толкина.

Примеры применения психоаналитического подхода при изучении текстов Дж. Р. Р. Толкина достаточно эпизодичны. Достоверно известно об использовании по крайней мере трех психоаналитических концепций: психоанализ по Юнгу, транзакционный анализ по Берну [16] и психоанализ по Фрейдю [3]. Первый из них даже послужил основой для написания монографии *Индивидуализированный хоббит: Юнг, Толкин и архетипы Средиземья* американского психотерапевта Т. Р. О'Нейла [21]. В ней тексты Дж. Р. Р. Толкина проанализированы с тех же позиций, с которых анализируют сон пациента, рассказанный на приеме у врача. Все персонажи, предметы и события, описанные в тексте, интерпретированы с позиции их соответствия тому или иному архетипу. Например, тролль соответствует архетипу «Страшного зверя», Эльронд – «Мудрого старца». Таким же образом все предметы, персонажи и сюжетные линии книги О'Нейл привязывает к каким-либо категориям концепции Юнга.

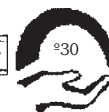
При анализе по Берну рассматривают динамику переходов персонажей текстов между трех возможных состояний (Ребенок – Родитель – Взрослый) из одного в другое, а также процессы общения (транзакции) разных персонажей (рассматриваемых в первую очередь в зависимости от их сиюминутной принадлежности к одному из трех состояний) между собой [16].

Людам, которые мало знакомы с современной психологией, по нашему мнению, достаточно трудно судить о ценности и рациональности результатов применения психоаналитического подхода по отношению к произведениям Дж. Р. Р. Толкина. По этой причине мы не станем обсуждать их, а ограничимся лишь цитированием Р. И. Кабакова, который оценивает монографию Т. Р. О'Нейла следующим образом: *“в результате такого жестко-иллюстративного анализа исследователь значительно расширяет наши познания в психологии, однако совершенно не раскрывает образной системы писателя. Следует отметить, что в ряде случаев параллели между творчеством Толкина и концепцией Юнга действительно имеют место, но они гораздо тоньше, незаметнее и глубже, чем это пытается представить Т. Р. О'Нейл.”* [7].

* * *

Те, кто используют **исторический подход**, в процессе своих рассуждений абстрагируются от факта принадлежности авторства работ, повествующих об Арде, Дж. Р. Р. Толкину, истолковывая эти тексты, как некие квазиисторические документы, чудом сохранившиеся в течение многих веков и описывающие события, произошедшие в далеком прошлом. Соответственным образом эти тексты и анализируют, сопоставляя описания одних и тех же событий в разных источниках, вычлняя наиболее непротиворечивые версии, устанавливая хронологическую последовательность исторического процесса в Арде и реконструируя

«темные» периоды ее истории. При этом роль Дж. Р. Р. Толкина ограничивают функциями первооткрывателя, переводчика, интерпретатора и комментатора всех этих документов (рис. 1, вторая пара стрелок) и постулируют аутентичность последних. Благодаря этим допущениям исторический подход дает возможность исследователю **преодолеть филологию** и изучать Арду уже не как чисто литературный вымысел и изыск авторского воображения писателя, а как полноценный мир, который живет собственной жизнью.

Принципиальная возможность применения исторического подхода основана на том, что Дж. Р. Р. Толкин сам порой рассматривал свое участие в появлении своих текстов именно с такой точки зрения, и значительная их часть написана в форме имитации исторических хроник, летописей и старинных преданий, имеющих своих собственных авторов, переводчиков и переписчиков.

Естественно, это вовсе не означает, будто описанные в текстах Дж. Р. Р. Толкина события произошли на самом деле и являются элементами истории реальной. Профессор ни в коей мере не претендует на это: *“если я назову это «историей», сразу возникнут расхождения с теми археологическими и геологическими свидетельствами, которыми мы располагаем о том, что ныне зовется Европой; хотя Шир, например, расположен именно там”* (Letters, №211). Тем не менее, он дает привязку (хотя и весьма неопределенную) событий Третьей Эпохи к хронологии исторического периода – промежуток времени между Падением Барад-Дура и нашей современностью он оценивает в 6000 лет (там же). Эта привязка опять-таки не означает, что Барад-Дур существовал в нашем мире физически, ибо Дж. Р. Р. Толкин тут же подчеркивает: *“я построил мнимое время, но крепко стою на матери-земле относительно места”* (там же). Таким образом, в процессе применения исторического подхода речь может идти лишь о воображаемой, о мифологической или, если угодно, об альтернативной истории, иными словами, о *квазиистории*, но ни в коем случае не об истории реальной. Но тем не менее – **истории**. *“Я мыслю исторически. – пишет Дж. Р. Р. Толкин. – Средиземье не является каким-то воображаемым миром. Это наименование – современная форма (появившаяся в XIII в. и до сих пор использующаяся) термина midden-erd > middel-erd, древнего названия ойкумены, места обитания людей, объективный, реальный мир, определенно понимаемый как противопоставление миру воображаемому (Волшебной Стране) или мирам незримым (таким как Небеса или Ад). Место действия моего повествования – эта земля, та самая, на которой мы живем сейчас, воображаемым является лишь исторический период.”* (Letters, №183).

Итак, Дж. Р. Р. Толкин писал значительную часть своих текстов как квазиисторические документы. Но могут ли читатели и тем более исследователи относиться к этим текстам подобным образом? Мы полагаем, что да. Раз эти тексты являются в значительной степени стилизацией исторических документов, то для того чтобы войти в русло мышления Дж. Р. Р. Толкина, просто необходимо приспособить свой способ мышления к объекту. В качестве чистого эксперимента можно расценить такой случай. Издатель Стенли Анвин после коммерческого успеха *Хоббита* был склонен продолжить публикацию произведений Дж. Р. Р. Толкина. Профессор прислал ему на пробу несколько рукописей. Некоторые из них, в частности *Лэ о Лэйтиан* и *Сильмариллион*, были переданы рецензенту, который в своем отзыве на них высказался так: *“Я нахожусь в некотором недоумении, что делать с этим произведением – у него, кажется, даже нет автора! И также указаний на источники и тому подобное. Вполне разумно, что рецензентами издательств являются люди, не блистающие интеллектом и не отличающиеся особенной начитанностью; однако, каюсь, моя начитанность не простирается до ранних кельтских жест, и я даже не знаю, относится ли эта жеста к известным или нет, и даже – является ли она подлинной. Я полагаю, что является, поскольку неизвестный версификатор приложил к жесте прозаическую версию на нескольких страницах (которая много лучше).”* (HoME-03,IV). Результат эксперимента однозначен: человек, впервые увидевший произведения Дж. Р. Р. Толкина, с достаточной степенью уверенности принял их за реальные исторические документы и составил свое мнение о них согласно данному им самим ответу на ОВТ.

Все это по нашему мнению говорит о том, что отношение читателей и исследователей к произведениям Дж. Р. Р. Толкина, как к квазиисторическим документам, является вполне естественным и правомерным. В этой правомерности убеждает нас и Кристофер Толкин: *“мы имеем полное право исследовать этот мир вне зависимости от литературоведческих соображений, и попытка самым подробным образом выяснить его устройство, начиная с мифа о Сотворении, будет совершенно*

правильной” и далее: “в принципе, такие исследования вполне законны; они основываются на отношении к вымышленному миру как к предмету наблюдения и изучения, который ничуть не хуже множества других предметов наблюдения и изучения в нашем слишком прозаическом мире” [15].

Исторический подход не предписывает своим сторонникам использование каких-либо конкретных исторических теорий, оставляя полную свободу в выборе методов исследования. Определяющим является лишь ответ на ОВТ, взгляд на тексты Дж. Р. Р. Толкина, как на квазиисторические документы, а на Арду, как на живой мир, то есть взгляд «изнутри»: “Чтобы прочесть *Сильмариллион*, следует представить себя в Средиземье конца Третьей Эпохи, добавив к Сэмю «Здорово!» желание узнать обо всем этом побольше” [15]. Таким образом, читатель или исследователь должен занять некое особое место, “наблюдательный пункт в воображаемой истории” [15]. И, заняв это место, мы вправе исследовать квазиисторию как историю, используя все подручные средства. К числу последних можно отнести, в частности, концепцию этногенеза [19], применение которой, по нашему мнению, является весьма перспективным.

Примеры применения исторического подхода к анализу произведений Дж. Р. Р. Толкина весьма многочисленны. Для того, чтобы убедиться в этом достаточно посетить такие сайты, как «Арда-на-Куличках», «Библиотека Тол-Эрессэа» или сайт Толкиновского общества Санкт-Петербурга.

Исторический подход не является универсальным, как, собственно, и любой другой. Некоторые из текстов Дж. Р. Р. Толкина, например *Утраченный путь* и *Записки клуба «Мнение»*, трактовать в его рамках достаточно сложно. Дискуссионным остается и вопрос о его применимости в области решения лингвистических проблем [9]. Тем не менее, исторический подход ценен тем, что дает возможность вычленять наиболее вероятные, непротиворечивые и достоверные описания и трактовки событий, проводить обоснованную реконструкцию отдельных темных периодов истории Арды, то есть исследовать живую историю этого мира, а не подменять это исследование историографией – изучением собственно источников [5].

* * *

Сторонники **визионерского подхода** не отрицают факта написания текстов, повествующих об Арде, Дж. Р. Р. Толкином, но считают, что вся информация, содержащаяся в них, была явлена ему непосредственно в его видениях в форме зрительных образов либо готовых текстов. Таким образом, по их мнению, все, что описано в произведениях Дж. Р. Р. Толкина, – суть события, произошедшие в некоем реально существующем “параллельном” пространстве.

Таким образом, роль самого Дж. Р. Р. Толкина в рамках визионерского подхода сводится к роли медиума, посредника между “параллельным” про странством Арды и объективной реальностью (рис. 1, третья пара стрелок), либо визионера, изложившего в сказочной форме явленные ему эзотерические символы.

Опору своей точки зрения сторонники визионерского подхода находят прежде всего в текстах *Утраченный путь*, *Записки клуба «Мнение»*, в описаниях Тропы Снов Олорэ Маллэ, Домика Игры Сна в *Книге утраченных сказаний*, Прямого Пути, все еще существующего в мире, в *Сильмариллион*, а также в утверждениях самого Дж. Р. Р. Толкина, который порой отмечал, что “некоторые моменты уже кажутся не написанными мной, а сказанными через меня” (Letters, №153). Тот же факт, что, помимо самого Дж. Р. Р. Толкина, видения о мире Арды посещали по крайней мере еще одного человека, его второго сына Майкла (Letters, №№163, 180), оправдывает в глазах некоторых сторонников визионерского подхода их собственные опыты по “проникновению” в Арду и “извлечению” оттуда новой информации.

Методы, которые в принципе могут быть использованы при данном подходе, человеку, далекому от оккультизма, могут показаться по меньшей мере странными. В. Грушецкий, рассуждая в этой связи о приемах “традиционной эзотерики”, упоминает так называемые “глубинную память”, то есть способность оперировать информацией, накопленной конкретной личностью в предыдущих воплощениях, и “способность к созерцанию панорам иных уровней бытия”, которые проявляются в человеке при посредстве неких “Провиденциальных сил” [6], иные авторы упоминают и активные методы “проникновения” в “параллельные” пространства посредством так называемой “ноосферической связи” [1]. Кроме этого в средствах массовой информации иногда появляются статьи, в которых толкинистов голословно обвиняют в употреблении галлюциногенных и наркотических препаратов.

Результаты применения визионерского подхода (сугубо в рамках изучения собственно текстов Дж. Р. Р. Толкина, а не во вторичном литературном творчестве, обсуждение которого не входит в задачи данной работы) весьма нечасто находят свое воплощение в виде оформленных исследований. Известно несколько статей, посвященных сравнению произведений Дж. Р. Р. Толкина с мистической концепцией Д. Л. Андреева, изложенной им в книге *Роза мира*, по непроверенным данным, по этой теме в настоящее время даже готовится к печати монография. Попытки же визионерства, или, как его еще называют, “мироглядства”, “глюколовства”, как правило, предпринимаются в достаточно узких кругах и редко выходят за их рамки, хотя порой и получают отражение в апокрифической литературе.

Говорить о ценности и объективности этого подхода достаточно сложно, хотя известны случаи, когда информация, “полученная” в результате его реализации, впоследствии подтверждалась при изучении вновь опубликованных черновиков Дж. Р. Р. Толкина.

* * *

Наконец, пристанищем некоторых вероискателей, а также тех, кто сих вероискателей в силу своих профессиональных обязанностей изучает, является **религиоведческий подход**. И те и другие считают книги Дж. Р. Р. Толкина сакральными текстами и усматривают в них зачатки новых религий. Первые с теми или иными целями пытаются создать такие религии сами, видоизменяя и приспособливая тексты Дж. Р. Р. Толкина для своих странных нужд, а вторые интересуются не собственно текстами Дж. Р. Р. Толкина, а их интерпретациями, возникшими в результате деятельности первых. И в том и в другом случае текстам Дж. Р. Р. Толкина отводится чисто служебная функция, и они становятся объектом эксплуатации.

Роль Дж. Р. Р. Толкина в религиоведческом подходе рассматривают, соответственно, как роль пророка, донесшего до людей слово Божие из пределов одного из миров Его (рис. 1, третья пара стрелок, как и в визионерском подходе) [18].

Соглашаясь с мнением М. Сиверцева [13], согласно которому мифология, созданная Дж. Р. Р. Толкином, благодаря ее детальной проработанности и философской насыщенности, в принципе, чисто гипотетически, может быть положена в основу нового религиозного вероучения (как, собственно, и практически любая другая мифология), мы обязаны констатировать, что в настоящее время никакой религии, в основе которой лежали бы тексты Дж. Р. Р. Толкина, **не существует**. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что сведения о попытках создания таковой, к счастью, безуспешных, имеются [2, 20].

Что касается результатов, которых можно достигнуть, используя религиоведческий подход, то представляется, что вряд ли они могут носить позитивный характер. По нашему глубокому убеждению, любое приспособление легенд о Средиземье в качестве базиса какой-либо внешней доктрины, не важно, религиозной, политической или какой-то иной, неизбежно приведет, в лучшем случае, к их преднамеренному искажению, а в худшем – к их опозлению, извращению и использованию в личных целях руководителей создаваемой структуры, а также, как следствие, к дискредитации толкинистики, как явления культуры, в глазах общества. Не вызывает сомнения, что самого Дж. Р. Р. Толкина вовсе не порадовал бы подобный результат, его высказывания на этот счет совершенно недвусмысленны: “я говорю, что все это является «мифом», а не каким-нибудь видом новой религии или видением” (Letters, №211). Но как бы то ни было, религиоведческий подход существует, и в его рамках проводятся определенные работы.

* * *

Рассмотренные подходы, казалось бы, противоречат друг другу. На самом же деле, их сочетание позволяет более полно взглянуть на Арду. Подобно тому, как электрон является не просто частицей, не просто волной, но чем-то иным, таким, что мы даже не в состоянии адекватно себе представить, тексты Дж. Р. Р. Толкина – это тоже не только художественная литература, не только продукт подсознательной психической деятельности писателя, не только квазиисторические

документы, далеко не только видения из другого мира и уж вовсе не только сакральные тексты, а нечто большее. “Электрон также неисчерпаем, как и атом”, а Арда также неисчерпаема, как и наш реальный мир.

Сторонникам различных подходов бесполезно спорить между собой, доказывая, что лишь их подход является единственно верным и наиболее адекватным, уподобляясь семерым братьям из притчи А. К. Толстого *Правда*, ибо лишь сочетание различных взглядов на Правду/Арду может дать более или менее целостное представление о ней. Все описанные выше подходы имеют право на существование и вполне могут быть использованы. Стоит повернуть кристалл и посмотреть на него под другим углом, как он заиграет новыми огнями. Но важно иметь в виду, что каждый из подходов следует применять строго изолированно. Смешение разных подходов в одном исследовании, а также перенесение выводов, полученных в рамках одного подхода, в цепь рассуждений, проводимых в рамках другого подхода, неизбежно ведет исследователя в логический тупик, поскольку нарушает однозначность индивидуального разрешения ОВТ, которое предшествовало проведению исследования. В рамках одного исследования в принципе нельзя исходить из двух разных ответов на ОВТ сразу. Только после окончания независимых параллельных исследований какого-либо частного вопроса, основанных на разных подходах, можно осуществлять синтез результатов. И такой синтез уже может дать в какой-то мере целостное представление об изучаемом предмете.

* * *

Помимо пяти рассмотренных подходов, вероятно, могут быть и иные, но нам они пока что не известны. Были предложения выделить «мифологический» подход, а также «историко-визионерский», но серьезных оснований для этого пока не представлено.

На практике предпринимаются попытки использовать разнообразие синкретические подходы, основанные на сочетании взаимоисключающих предположений. Например, пытаясь рассуждать о внутренней истории Арды, как живого независимого мира, то есть, в рамках исторического подхода, некоторые толкинисты пытаются апеллировать к Дж. Р. Р. Толкину, не как к первооткрывателю, переводчику, интерпретатору и комментатору текстов, а как к их непосредственному автору. Делается это, по нашему мнению, скорее вследствие недостаточной продуманности действий, чем из принципиальных соображений. Ведь рассуждая таким образом, исследователь по сути дела отводит Дж. Р. Р. Толкину роль творца Арды. Арда в этом случае сразу же превращается из живого мира в кукольный театр, а профессор Толкин предстает доктором кукольных наук Карабасом-Барабасом и начинает дергать за ниточки всех описанных им персонажей, и заставляет их делать только то, что он сам захочет, и все куклолки кривляются у него на ниточках, и хоббиты, и дварфы, и эльфы, и люди, и орки, и валар, а где-то между ними и сам Илуватар (!) – каждое их движение контролирует кукловод, а ежели что не по нему, бьет их своей семихвостой плеткой.

Возможно, для банального произведения жанра *fantasy* такой подход и был бы справедлив, но только не для книг Дж. Р. Р. Толкина. Арда – не кукольный балаганчик. В непрерывном многолетнем процессе ее создания количество перешло в качество. Подобно тому, как стеклянный ящик, подаренный Трурлем королю Экзилию, оказался уже не просто моделью общества, а самым настоящим обществом, так и книги Дж. Р. Р. Толкина из модели мифологии стали мифологией, а Арда из модели мира – живым миром. “Ты совершил непростительную ошибку излишнего совершенства в подражании. – говорит Клапауций Трурлю. – Не желая ограничиться часовым механизмом, ты создал, помимо воли, из педантизма, то, что неизбежно стало противоположностью механизма” [10]. Живой же мир не может существовать в состоянии тотального и ежесекундного руководства, ибо залог его жизни – в самоограничении его автора. Если же автор не прибегнет к самоограничению, мир либо не будет живым, либо сам выйдет из под авторского контроля. Обитатели стеклянного ящика найдут способ разбить его изнутри, а короля забросят на дальнюю орбиту. Куклы придумают как обрезать ниточки, а Карабаса-Барабаса привяжут к сосне его же собственной бородой. Так и Арда в ее внутренней истории не может существовать под иным внешним хозяином и творцом, кроме как под Тем, описанным в ее собственных преданиях – под Эру Илуватаром, над которым просто не может быть никого, даже, как это ни парадоксально, Дж. Р. Р. Толкина.

* * *

Подводя итог данной работы, считаем нужным еще раз остановиться на ключевых положениях нашего понимания того, на чем основано проведение исследований в области толкинистики.

1. Мифологический эпос Дж. Р. Р. Толкина является уникальным явлением в мировой культуре. По этой причине для его исследования необходим поиск новых, нетрадиционных подходов.

2. При изучении текстов Дж. Р. Р. Толкина обоснованно применяют пять подходов: филологический, психоаналитический, исторический, визионерский и религиозный.

3. Выбор того или иного подхода осуществляют до начала каждого отдельного исследования на основании четкого и однозначного ответа на ОВТ: “Что представляют собой тексты Дж. Р. Р. Толкина, относящихся к циклу об Арде?”

4. Методы исследования подбирают в соответствии с избранным подходом.

5. Каждое отдельное исследование любой частной проблемы необходимо осуществлять строго в рамках избранного подхода.

6. Результаты независимых параллельных исследований какого-либо частного вопроса, проведенных в рамках различных подходов, могут быть подвергнуты синтезу.

Литература

1. *Assidi*. Кто стучится в мозг ко мне или кое-что относительно общения с существами иных миров. – <http://eressea.ru/assidi/gosti.shtml>
2. *Бондаренко Г. В.* Религия утраченных дней: Джон Рональд Руэл Толкин: русский опыт прочтения// Независимая газета. – 2001. – №32(204). – http://exlibris.ng.ru/kafedra/2001-02-22/3_religion.html
3. *Бочарова Л.* Разбор Сильмариллиона по Фрейду// Зилант-кон-1996: Секция толкиенистики. – <http://eressea.inc.ru/library/public/lboch2.shtml>
4. *Виноходов Д. О.* Задать вопрос... – <http://ttt.by.ru/dv/question.shtml>
5. *Виноходов Д. О.* Подходы к изучению текстов Толкина// Круглый стол “Профессор Толкин и его наследие”, Москва, РГГУ, 22 апреля 2000 г.// Палантир. – 2000. – №21. – С. 6-7; 2001. – №24. – С. 30-32. – <http://ttt.by.ru/dv/methods.shtml>
6. *Грушецкий В.* Человек, который все знал// Если. – 1992. – №4. – С. 94-96.
7. *Кабаков Р.* Творчество Дж. Р. Р. Толкина как литературоведческая проблема// Палантир. – 1997. – №2. – С. 16-18; №3. – С. 8-10; №4. – С. 8-12.
8. *Кинн Е.* Параллельные сюжеты в “Сильмариллионе” и “Властелине колец” как отражение христианства и теории “северного мужества”// Круглый стол “Профессор Толкин и его наследие”, Москва, РГГУ, 22 апреля 2000 г.// Палантир. – 2001. – №26. – С. 3-4; №27. – С. 42-43. – <http://esgaroth.narod.ru/>
9. *Кинн Е.* Снежный мост над пропастью, или декларация объективиста (на примере изучения эльфийских языков). – <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/manuscr/snow.shtml>
10. *Лем С.* Кибериада. – <http://www.lib.ru/LEM/kiberiada.txt>
11. *Некрасова Н.* Отражение европейской королевской традиции в творчестве Дж. Толкина на примере “Правды Короля”// Круглый стол “Профессор Толкин и его наследие”, Москва, РГГУ, 22 апреля 2000 г.// Палантир. – 2001. – №25. – С. 6-10. – <http://esgaroth.narod.ru/>
12. *Осмогер.* Классификация. – <http://kulichki.rambler.ru/tolkien/arhiv/fandom2/seok.shtml>
13. *Сиверцев М. А.* Толкинизм как элемент неорелигиозности// Круглый стол “Профессор Толкин и его наследие”, Москва, РГГУ, 22 апреля 2000 г.// Палантир. – 2001. – №26. – С. 5-11. – <http://esgaroth.narod.ru/>
14. *Таскаева С.* История Турина: источники и архетипические корни сюжета// Круглый стол “Профессор Толкин и его наследие”, Москва, РГГУ, 22 апреля 2000 г.// Палантир. – 2001. – №25. – С. 10-25. – <http://esgaroth.narod.ru/>

15. Толкин К. Предисловие к первому изданию “Книги утраченных сказаний”// Толкин Дж. Р. Р. История Средиземья. Т. I. Книга утраченных сказаний. Ч. I./ Пер. с англ. ТТТ, 2000. – С. 1-11.
16. Фиглин Т. Л. Толкин и современная психология// 1-й Большой толкиновский семинар, Санкт-Петербург, 30 апреля 1995 г.// Резвый пони. – 1996. – № 4(7). – С. 6-7.
17. Фиглин Т. Л. Еще раз о Толкине и Юнге// 2-й Большой толкиновский семинар, Санкт-Петербург, 3 декабря 1995 г.// Резвый пони. – 1996. – № 5(8). – С. 6-7.
18. Чистяков П. Произведения Толкина: священные тексты или псевдоисторические хроники?// Круглый стол “Профессор Толкин и его наследие”, Москва, РГГУ, 22 апреля 2000 г.// Палантир. – 2001. – №25. – С. 4-6. – <http://esgaroth.narod.ru/>
19. Эрандил. Теория Л. Н. Гумилева применительно к истории Средиземья// 2-й Большой толкиновский семинар, Санкт-Петербург, 3 декабря 1995 г.// Резвый пони. – 1996. – № 1(4). – С. 14-16; № 2(5). – С. 3-5; № 4(7). – С. 8-10; № 5(8). – С. 4-5; Гарцующий пони. – 1997. – Особый выпуск. – С. 21-24. – <http://esgaroth.narod.ru/>
20. Якубенко В. Скоро будет открыт храм забытой истины// Киевские ведомости. – 1993. – ноябрь.
21. O’Neill T. R. The individuated Hobbit: Jung, Tolkien and the Archetypes of Middle-earth. – L.: Thames & Hadson, 1979.

II. ДОСТОВЕРНОСТЬ ИЛИ КАНОНИЧНОСТЬ?

*“Восславься вовек, Пятикнижье Канона,
Восторг и отрада для юных сердец!
Да здравствует созданный Толкином Лэгоном
Великий, могучий «Властитель Колец»!”*

Барановский В.

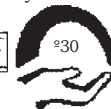

ешив для себя тем или иным образом ОВТ и выбрав один из вышеописанных подходов к изучению текстов Дж. Р. Р. Толкина, исследователь сталкивается со следующей проблемой. Дело в том, что практически по любому частному вопросу мы можем найти в записях Дж. Р. Р. Толкина совершенно разные, часто даже взаимоисключающие данные. Поэтому необходимо решить, каким образом следует выбирать из комплекса имеющихся сведений наиболее достоверные.

Простейший выход из данной ситуации видится в разделении текстов Дж. Р. Р. Толкина на две группы – **канонические**, то есть содержащие информацию, которую исследователь признает истинной *a priori*, и **неканонические**, которые могут содержать как достоверную, так и ложную информацию. Заняв такую позицию, можно, не утруждая себя кропотливым анализом, во всех дискуссионных случаях ссылаться на канон, а сведения из неканонических источников попросту игнорировать, либо использовать лишь в тех случаях, когда по изучаемому вопросу в канонических текстах сведения отсутствуют. Именно таким образом обычно и поступают многие исследователи, только далеко не все они сходятся во мнении о том, какие именно тексты Дж. Р. Р. Толкина следует относить к канону.

Наиболее широко признан так называемый **пятикнижный канон**, он включает лишь те книги из цикла об Арде, которые Дж. Р. Р. Толкин опубликовал или планировал опубликовать при жизни, то есть *Хоббит*, *Властелин колец* (в трех частях) и *Сильмариллион*. Использование этих книг позволяет ознакомиться с историей Арды на приемлемом уровне, поскольку они в той или иной мере повествуют почти обо всех наиболее важных событиях от Айнулиндалэ до начала IV эпохи, и начинающему исследователю, не склонному к углубленным штудиям, их может оказаться вполне достаточно. Однако, вызывает недоумение тот факт, что в данный канон не включены такие тексты, как например *Амбарканта*, о которых доподлинно известно, что они были направлены Дж. Р. Р. Толкином издателям для решения вопроса об их публикации.

Казалось бы, пятикнижный канон должен устраивать если не всех, то большинство. Однако есть такие, кто полагает, что *Сильмариллион* не может рассматриваться в качестве канонического источника, так как он был основательно, может быть даже излишне основательно, отредактирован Кристофером Толкином, и неизвестно, как отнесся бы Дж. Р. Р. Толкин к творческому опыту своего

сына, если бы увидел его результат. Следует отметить, что через некоторое время после издания *Сильмариллион* Кристофер в самом деле признал эту публикацию ошибкой [1]. Вопрос этот представляется нам дискуссионным, ведь книга эта является своего рода «Кратким курсом истории Арды», компиляцией, предназначенной для **первичного** ознакомления читателей с **основными** событиями Предначальной и первых двух эпох. Подчеркнем, что от такого взгляда на *Сильмариллион*, его ценность ничуть не падает, напротив, если бы этой книги не существовало, то изучать все варианты легенд, входящих в комплекс мифов об Арде, было бы крайне сложно. Как бы то ни было, **ранне-четырёхкнижный канон** включает лишь произведения, опубликованные Дж. Р. Р. Толкином при жизни, то есть *Хоббит* и *Властелин колец*. Иногда этот канон дополняют еще стихотворными текстами *Дорога вдаль бежит* и *Приключения Тома Бомбадила* [3]. Серьезным недостатком этого варианта канона является узость описываемого в нем периода истории Арды, ведь события I эпохи из него выпадают практически полностью.

Нарекания вызывает не только *Сильмариллион*, некоторые предьявляют претензии и к *Хоббиту*. Пороком этой книги считают стиль детской сказки, а также упоминания таких предметов и понятий, как паровоз, рождественская елка и прочих анахронизмов. По этой причине из **поздне-четырёхкнижного канона Хоббита** исключают и оставляют в нем лишь *Властелин колец* и *Сильмариллион*. Справедливости ради следует отметить, что *Хоббит* действительно стоит несколько особняком от остальных текстов, повествующих об Арде, ведь изначально эта сказка никак не была связана с мифологией Дж. Р. Р. Толкина, разрабатываемой еще с середины 1910-х гг. Лишь постепенно произошло их взаимопроникновение, приведшее в конце концов к созданию *Властелина колец*. Подчеркнем, что влияние было именно взаимным – мифология Арды обогатила *Хоббита* героическими мотивами и исторической глубиной, а *Хоббит* населил Арду новыми личностями и даже целыми народами (Letters, №257). По этой причине признать исключение *Хоббита* из списка канонических текстов целесообразным по нашему мнению невозможно.

Дальше всех в недоверии к ранним книгам идут те, кто считает истинными лишь те сведения, которые можно извлечь из самых последних по времени высказываний Дж. Р. Р. Толкина по тому или иному частному вопросу. Таким образом, значительное место в **ревизионистском каноне** занимают материалы, сгруппированные в разделе *Измененные мифы* десятого тома *Истории Средиземья*, а также письма Дж. Р. Р. Толкина. Основная проблема этого варианта канона заключается в том, что широкая общественность имеет доступ лишь к весьма ограниченному массиву текстов Дж. Р. Р. Толкина. По оценкам сведущих людей, доля опубликованных на сегодняшний день материалов составляет едва ли десятую часть от творческого наследия Профессора, которое находится в Библиотеке им. Бодлея (Оксфорд, Великобритания), в собрании университета Маркетта (Милуоки, Висконсин, США), а также в частных коллекциях. Не имея доступа ко всем этим материалам, мы никогда не сможем с уверенностью сказать, к какому именно заключительному мнению пришел Дж. Р. Р. Толкин по тому или иному вопросу, и пришел ли вообще. Поэтому ревизионистский канон на сегодняшний день не имеет фиксированного состояния, что, по нашему мнению, является непреодолимым препятствием на пути его применения. Хотя следует отметить, что в западных странах предпринимаются попытки создания нового канонического *Сильмариллион* на основе *Измененных мифов*. Правда при этом весьма дискуссионным остается вопрос о том, какое собственно отношение такой канон будет иметь к Дж. Р. Р. Толкину.

Мы сказали лишь о четырех более или менее четко обозначенных вариантах канона. На практике же многие исследователи, выделяют свои собственные группы текстов, которые они считают каноническими, не пользуясь при этом какими-либо четкими критериями, а руководствуясь лишь личным вкусом, интуицией, или сиюминутной частной задачей [2]. Такое отношение к источникам, по нашему мнению, невозможно считать последовательным и объективным.

Канонистическая методология может быть использована вне зависимости от того, как исследователь отвечает на ОВТ. Даже сторонники филологического подхода ограничиваются, порой, исследованием наиболее широко известных книг, таких как *Властелин колец*, намеренно и едва ли не демонстративно игнорируя черновики и не проявляя никакого интереса к письмам. Но где бы эту методологию не использовали, всюду проявляется ее изначальная ущербность, ведь простота решения вопроса о достоверности текстов Дж. Р. Р. Толкина при помощи введения какого бы то ни было канона является кажущейся. Если мы изначально признаём информацию, содержащуюся в канонических текстах, истинной и не требующей проверки, и при этом полагаем, что неканонические тексты наряду с достоверной могут содержать и ложную информацию, то получается, что мы можем

доверять только лишь тем фрагментам неканонических текстов, которые полностью совпадают с канонем. Если же информация, имеющаяся в неканонических текстах, не продублирована в каноне, то мы не можем сказать, истинна она или ложна, ведь критерием истинности является лишь канон.

Стало быть, продублированная в каноне информация бесполезна, поскольку уже и так находится в распоряжении исследователя, а не продублированная не может быть оценена с точки зрения достоверности и, следовательно, не может быть использована. Отсюда следует вывод о принципиальной невозможности использования неканонических текстов в рамках канонистической методологии. Таким образом, исследователь, использующий канон, с одной стороны, подменяет достоверность каноничностью, а с другой, загоняет себя в созданные им же жесткие рамки и не может выйти за их пределы, не изменив при этом состав канона. На первый взгляд, такая ситуация отнюдь не безнадежна, ведь рамки того или иного канона могут быть достаточно широки и давать большой простор для работы. Но сложность заключается в том, что если в канонических текстах будет обнаружено хотя бы одно внутреннее противоречие (а такое случается), то это будет означать, что канон содержит недостоверную информацию и, следовательно, канонем не является. Стоит жесткой системе дать трещину, как исследователь тут же лишается опоры на нее.

Поэтому мы считаем, что любая попытка выделить среди текстов Дж. Р. Р. Толкина те, которым можно доверять безгранично, а остальные лишить доверия, заранее обречена на неудачу. Гораздо естественнее, с нашей точки зрения, изначально отказаться от канонистической методологии, признать все имеющиеся в нашем распоряжении тексты аутентичными и равно достойными изучения, а проблему выбора достоверной информации решать в каждом случае отдельно, опираясь на логику и сравнительный анализ в рамках того подхода, который был выбран в процессе ответа на ОВТ.

Итак, на практике проблему выбора достоверных сведений из имеющегося комплекса текстов Дж. Р. Р. Толкина решают двумя путями: а) использованием канонистической методологии либо б) постулированием аутентичности и изначального равенства всех имеющихся источников. Первый путь прост, но изначально ущербен. Второй – трудоемок, но логичен.

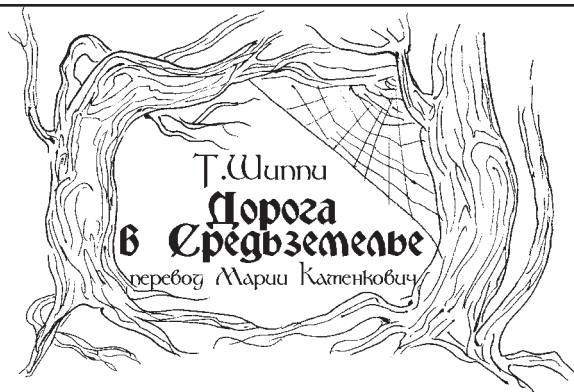
Литература

1. *Толкин К.* Предисловие к первому изданию “Книги утраченных сказаний” // Толкин Дж. Р. Р. История Средиземья. Т. I. Книга утраченных сказаний. Ч. I. / Пер. с англ. ТТТ, 2000. – С. 1-11.
2. *Martinez M.* A funny thing happened on the way to the canon. – <http://www.suite101.com/article.cfm/tolkien/63343>
3. *Martinez M.* Is your canon on the loose? – <http://www.suite101.com/article.cfm/tolkien/45552>

Благодарности

Считаем своим приятным долгом выразить признательность подписчикам эхо-конференции SU.TOLKIEN и листа рассылки [ArdanK], в дискуссиях с которыми вызревали отраженные выше теоретические положения, авторам переводов ряда текстов Дж. Р. Р. Толкина, использованных нами для цитирования, Игорю Хазанову за помощь в подборе иллюстративных материалов, Елене Тихомировой, Светлане Таскаевой и Наталье Антоновой за важные замечания, сделанные в процессе подготовки статей к публикации, а также всем тем, кто дал себе труд ознакомиться с этими работами и вникнуть в их суть.

Примечания к главе 3

(1) Толкин сожалеет, что не отошел от слова “эльфы” и не заменил его чем-нибудь вроде “альбы”, словом, не захватанным в употреблении, исконно древним и не подвергавшимся искажениям. Толкин советует немецким переводчикам не повторять его ошибки и перевести слово “эльфы” в соответствии с их собственной древней традицией.

(2) Эдмунд Спенсер (1552-1599) - английский поэт-классик елизаветинской эпохи, выходец из семьи портного, воинствующий протестант. Образование получил в Кембридже. Автор посвященной Филипу Сидни пасторали “Календарь пастуха”, дидактическо-аллегорической поэмы “Королева фей”, посвященной королеве Англии, выведенной в поэме в образе королевы фей Глорианы, и др.

(3) При католических монашеских орденах существовали (и существуют) объединения мирян. Такое мирское отделение ордена называется “третьим орденом” (первый и второй ордена - мужское и женское отделения), а его члены - “терциариями”, от лат. “терцио” - “три”. К терциариям принято было обращаться “брат”. Простонародное их прозвание переводится обычно на русский язык как “братчики”. Живущие в миру терциарии во многом помогали монахам обеспечивать хозяйственную жизнь монастырей.

(4) Это примечание к стихотворению “Июнь” было написано не самим Спенсером, а его другом, известным только по его инициалам - “Э.К.”; это был человек, который еще больше Спенсера тщеславился своим классическим образованием и, соответственно, с большей вероятностью мог совершать самые невероятные ошибки в отношении всего не-классического. - Т.Ш.

(5) Толкин исповедовал католицизм и был активным христианином, по возможности часто бывая в церкви и причащаясь. Верою он был во многом обязан своей матери, которая сознательно перешла в католицизм в зрелом возрасте и была за это подвергнута обструкции со стороны родственников-протестантов. Их отказ помогать ей привел в конечном счете к нищете и ранней смерти матери Толкина. Ее двоих сыновей взял на воспитание ее духовный отец, католический священник. До конца жизни вера играла в жизни Толкина огромную роль, что подтверждают и его письма.

(6) В своем эссе “ОВС” Толкин пишет: “...что такое “волшебная”, или “фейная”, сказка? Если

обратиться к Оксфордскому словарю английского языка,... то его основное значение: рассказ о волшебных существах (феях) или легенда о феях, а производные: 1) небылица...2)ложь...Первое определение... слишком узко...” “...Нормальные волшебные сказки - рассказы не о феях и эльфах, а о Феерии (Волшебной Стране. - М.К.) - стране или государстве, где жтвут феи. А в Феерии, помимо фей и эльфов, а также помимо гномов, ведьм, троллей, велианов и драконов, чего только нет: там есть моря, солнце, луна, небо; там есть земля и все, что бывает на земле: деревья и птицы, вода и камень, вино и хлеб, да и мы сами, смертные люди, когда мы зачарованы.

Рассказы, действительно в первую очередь касающиеся “фей” (то есть существ, которых на современном английском языке можно называть и “эльфами”), сравнительно редки и, как правило, малоинтересны. Гораздо чаще хорошие сказки повествуют о приключениях человека в Царстве опасностей или у его туманных границ. Это и естественно, ибо если эльфы действительно существуют независимо от наших рассказов о них, то безусловно верно следующее: главная забота эльфов - не люди, главная забота людей - не эльфы. У нас с ними разные судьбы, и наши пути редко сходятся. Даже на границах Феерии мы встречаем их только случайно.

Таким образом, определение волшебной сказки - что она есть, или чем должна быть - зависит не от определения или исторического анализа понятий “эльф” и “фея”, а от природы Феерии ... от воздуха этой страны. Я не стану пытаться ни определить Феерию, ни даже прямо ее описать. Это невозможно, Феерию не поймашь в сеть, сплетенную из слов, ибо одно из ее качеств - будучи доступной восприятию, быть недоступной описанию. Она состоит из многих элементов, но их анализ вряд ли откроет тайну целого. И все ж надеюсь, что сказанное позднее по другим вопросам даст представление о том, какою мне видится Феерия. Пока же скажу лишь одно. Волшебная сказка - это такая история, которая касается Феерии или использует ее, какой бы ни была сама история: сатирической, приключенческой, морализаторской или фантастической” (ПТБ, сс. 371-3).

(7)По словам Толкина (ПТБ, с.370), поэма Майкла Драйтена (1563-1631) “Нимфидия”(1627) “...дала жизнь многочисленному потомству, состоящему из фей цветков и порхающих эльфов с мотыльковыми усиками. Я эту мелочь терпеть не мог когда был мальчишкой, а таперь их ненавидят мои дети...” “Нимфидия” - ... одна из худших сказок всех времен. Судите сами. Во дворце Оберона стены - из паучьих лапок... Рыцарь Пигвигген разъезжает на резвой ухвертке своей возлюбленной, королеве Маб, он посылает браслет из муравьиных глазков... на этом миленьком фоне разворачивается скучнейший рассказ об интригах и хитрых сводниках... Пусть Оберон, Маб и Пигвигген ... маленького роста, а Артур, Джиневра и Ланселот - нет; все равно рассказ о борьбе добра и зла при дворе короля Артура - волшебная сказка в куда большей степени, чем эта история насчет Оберона”.

(8) Слово “*elfin*” еще встречается в стихотворении “Легка, как липы лист”, но в пересмотренной версии стихотворения, вложенной в уста Арагорна (“Властелин Колец”, т.1, сс. 296-6) уже превращается в “*elven*”; слово “фея” один раз встречается в “Хоббите” (независимо от издания), слово “*gnome*” - только в первом издании. Слово “гоблин”, имеющее латинские корни, используется постоянно, но после “Хоббита” исчезает. Что касается слова “*dwarfish*”, см. далее с.62 - что это, еще одна корректорская правка? - Т.Ш.

(9) Цитата из стихотворения Китса “La Belle Dame sans Merci”. В оригинале: “*Alone and palely loitering*”. Герой

стихотворения полюбил встреченную им эльфийскую даму, “прекрасную, но с диким взором”, но был ею оставлен, оказался в сонме других отвергнутых ею несчастных и в итоге очнулся в одиночестве “на холодном склоне холма”.

(10) Фарамир - во “Властелине Колец” младший сын Наместника Гондора Дэнетора (старший, Боромир, гибнет, пожелав завладеть Единым Кольцом). В отличие от Боромира, Фарамир отказывается от Кольца и оказывается в глазах отца предателем интересов Гондора.

(11) Сэм Гэмги - во “Властелине Колец” недалекий слуга и спутник главного героя - хоббита Фродо. Его полное имя - Samwise - (“wise” по-английски “мудрый”) - вызывает ироническую ассоциацию с легендарным скальдом Сэмундом Мудрым, перу которого приписывается иногда создание “Эдды”.

(12) Название второго тома “Властелина Колец”.

(13) Галадриэль - во “Властелине Колец” Владычица эльфийской страны Лоризэн, сохраняемой в неприкосновенности благодаря одному из Трех Эльфийских Колец, которое находится у Галадриэли. Галадриэль - одна из тех мятежных эльфов, которые в древности покинули Бессмертные Земли Валинора и пришли в Средземелье с желанием быть в нем хозяевами. Мятежным эльфам заказано возвращение в валинор, но галадриэль получает все же разрешение туда вернуться - за то, что отказалась от Кольца власти, которое помогло бы ей установить власть над Средземельем. но исказило бы ее сущность, превратив ее в Темную Властительницу. С течением времени Толкин находил все больше оправданий для участия Галадриэли в мятеже, вплоть до того, что представил ее в конце концов совершенно безгрешной, к радости верующих читателей, которые усматривали в образе Галадриэли отблески образа Девы Марии.

(14) “...Я слышал, мало кому удастся вырваться из ее сетей!.. Но если вы снискали благоволение эльфийской Владычицы, то, должно быть, и сами сплетаете обманные чары и не чужды волшеббе!” - говорит Арагорну Эомер.

(15) Существует модернизированная версия этой баллады, зафиксированная в книге “Danmarks Gamle Folkeviser” (12 vols., Copenhagen: Thiele, 1853Я1976), Vol. II, 105Я9, издание Свенда Грюндтвига - сына филолога Николая Грюндтвига, изучавшего “Беовульфа”. - Т.Ш.

(16) C.S.Lewis, *The Problem of Pain* (London, Geoffrey Bles, 1940), Fontana Books reprint, 1957, p.13. Очевидно, это была общая для “Инклингов” (см. ...) теория. Ср. с фразой Толкина - “высшая убедительность Первичного Искусства” (“О волшебных сказках”). - Т.Ш.

(17) Название первой части трилогии “Властелин Колец”.

(18) “...Это случилось вскоре после того, как святой Улав окрестил жителей долины и Эудхильд Прекрасная из Шенне исчезла, заключенная в гору. Втащили церковный колокол на нагорье и звонили в него в поисках девушки; на третий вечер она появилась и уже шла по горному лугу, так украшенная золотом, что сверкала, как звезда. Но тут веревка лопнула, колокол скатился вниз по каменной осыпи, и Эудхильд пришлось вернуться в гору.

Но много лет спустя, однажды ночью, к священнику явились двенадцать витязей... На них были золотые шлемы, серебряные кольчуги, и они сидели верхом на темно-гнедых жеребцах.

То были сыновья Эудхильд от горного короля, и они просили, чтобы их мать погребли по христианскому обряду и в освященной земле. Живя-де в горе, она старалась сохранить свою веру и соблюдала все праздники, поэтому слезно молит об этой милости. Но священник отказал; в народе рассказывалось, что за это он теперь сам не знает себе покоя в могиле: осенними ночами бывает слышно, как он бродит по роще выше церкви и плачет, раскаиваясь в своей жестокости. В ту же ночь сыновья эудхильд отправились в Шенне с поклоном от своей матери ее старым родителям. Наутро во дворе была найдена золотая шпора. *И тамошний народ*, видно, до сих пор считается родством с потомками семьи из Шенне, ибо им всегда сопутствует особенное счастье в горах” (Сигрид Унсет, “Кристин, дочь Лавранса”, С.-Петербург, “Северо-Запад”, 1992, сс.290-291).

(19) Эолом звался Темный эльф (то есть эльф из числа тех, кто никогда не бывал в землях Бессмертных, не видел Истинного Света и эльфов, пришедших из Амана, считал захватчиками), кузнец, пленивший случайно оказавшуюся возле его жилища Аредэль - дочь короля потаенного королевства Гондолин Тургона. Аредэль родила Эолу сына по имени Маэглин и, когда Маэглин достиг зрелости, убежала с ним к своему отцу. Эол пустился за ними в погоню и так проник в потаенное Королевство, где попытался убить Аредэль и был казнен. Сын его Маэплин был принят в королевстве с почетом, однако именно он послужил впоследствии причиной гибели Гондолина.

(20) См. “Младшая Эдда” Снорри Стурлусона, раздел *Skaldskaparmal*, 35 и 39. - Т.Ш. Считается, что “Младшая Эдда” была составлена в двадцатых годах тринадцатого века скальдом Снорри Стурлусоном. Снорри Стурлусон родился в 1179г. на западе Исландии, принадлежал к известному по сагам роду Стурлунгов, занимал видное место в обществе. Получил известность как слагатель хвалебных песен в честь норвежских правителей, был автором саг, но его стихи не сохранились. Как истый норвежец того времени, принимал участие во всевозможных родовых распрах. Был убит в 1241г. им же воспетым королем Жаконом в результате борьбы за власть между королем и герцогом Скули, покровителем Снорри Стурлусона. Считается самым известным человеком за всю историю Скандинавии. Слово “Эдда” означает “поэтическое искусство” (чему и посвящены третий и четвертый разделы книги). Здесь использован пер. О.А.Смирницкой под ред. М.И.Стеблин-Каменского, Ленинград, “Наука”, 1970, в данном случае с.132.

(21) Лайамон - средневековый английский поэт. Переложил на английский язык легенды о короле Артуре. В эпической поэме “Брут” пересказал стихами фантастическую “Историю Британии” Готфрида Монмутского.

(22) Предисловие к книге: J. и W.Grimm, *Haus- und Kindermärchen* (третье издание, Göttingen: Dieterische Buchhandlung, 1849), с.ххviii.- Т.Ш.

(23) “Младшая Эдда”, “Язык поэзии”, пер. О.А.Смирницкой под ред. М.И.Стеблин-Каменского, Ленинград, “Наука”, 1970, с.155-156.

(24) Трор - король гномьего Королевства-под-Горой, погибший в копиях Мории от руки орка Азога. Сын Трора Траин, надеясь отомстить за отца, собрал большое гномье войско и объявил оркам войну. В этой войне пала большая часть гномов, но им все же удалось одержать победу (“Властелин Колец”, т.3, с. 497-498).

(25) Даин Железная Пята, родич Трора - король гномов из Железных Гор. Еще юношей (по

гномьим понятиям) он, мстя за своего отца Наина и за Трора, убивает орка Азога (“Властелин Колец”, т.3, с.498). Затем (по хронологии Средьземелья) он появляется в “Хоббите”, поначалу как союзник вступившего в конфликт с эльфами и людьми Торина Дубошита, и, по словам Т.Ш., “ведет переговоры с Бардом, опираясь на букву ториновской торговли с последним”, то есть, не идет на компромиссы и готов к самым жестким мерам по отношению к оппонентам, не желая разбираться в ситуации или менять ее, поскольку это нанесло бы ущерб гномьей гордости. Во “Властелине Колец” мы встречаемся с ним, когда к гномам является посланник Саурона; здесь Даин демонстрирует категорическую неуступчивость, самостоятельность и неподкупность (“Властелин Колец”, т.1, с.). Умирает он в бою со слугами Саурона, уже глубоким стариком (“Властелин Колец”, т.3, с.507).

(26) Во “Властелине Колец” рассказывается, что Тропу Мертвых охраняли призраки вымершего народа, который был некогда проклят одним из королей Гондора за отказ представить военную помощь. Арагорн, в согласии с древним пророчеством, вошел в заклятые владения проклятых призраков (“вступил на Тропу Мертвых”) и, как наследник древних королей Гондора, призвал призраков выполнить нарушенное древле обещание. Умершие вступили в битву и, когда их роль была сыграна, получили свободу и исчезли.

(27) *Mirkwood*. В письме сыну Майклу от 29 июля 1966г. (П., с.369) Толкин пишет: “Мирквуд (в нашем переводе Чернолесье. - М.К.,В.К.) - не мое изобретение. Это очень древнее название, овеянное множеством легенд. По всей вероятности, этим именем первобытные германцы называли обширную горную область, поросшую лесами, которая преградила в древности германским племенам путь на юг. В некоторых традициях это слово используется всегда, когда идет речь о границе между готами и гуннами... В одном немецком источнике XI столетия это слово присутствует в форме *мирквиду*, хотя в других сочетаниях корень *меркв-* (“темный”) там не встречается (только в древнеанглийском, древнескандинавском и т.д.). Корень *-виду* в германском сводился к значению “древесина”... Что до древнеанглийского, то в нем слово “мирке” встречалось только как поэтическое, причем в смысле “темный, мрачный” - только в “Беовульф”;... В остальных источниках оно имело зловещий оттенок... По-видимому, это слово никогда не означало просто цвет - скорее всего, оттенок мрачности в нем присутствовал с самого начала”. Толкин утверждает, что ухо современного англичанина воспринимает слово “Мирквуд” именно как “темный, зловещий лес”.

(28) Шекспир, Собр. соч. в 2-х тт., Москва, “Рипол”, 1997, пер. “Сон в летнюю ночь”, пер.Щепкиной-Куперник, с. 195.

(29) Омофоны - слова, одинаковые по звучанию, но разные по смыслу, а иногда и по написанию.

(30) Синклер Льюис (1885-1951) - американский писатель, одновременно идеалист и сатирик. Основные произведения - “Главная улица”, “Бэббит” и др. - создал в двадцатые годы. В 1930г. получил нобелевскую премию.

(31) В русском языке слово “кролик” происходит из польского, построенного на основе слова

“kryl” - “король”.

(32) Цитируется в: Ganz, Inaugural Lecture, p.5 - Т.Ш.

(33) В оригинале “pickles” - “пикули”. Это, собственно говоря, не “огурчики”, а смесь разных маринованных овощей, фруктов и специй.

(34) “Chips-and-fish” - что-то вроде жареных картофельных пирожков с рыбой - действительно очень популярная в Англии еда, как в Америке гамбургеры. Продаются на каждом углу.

(35) Дж.Гарднер (1933-1982) - английский писатель и поэт. Роман “Грендель” (1971г.) - характерный образец его философской прозы. В этом романе повествование ведется от лица самого Гренделя. По-видимому, читатель призван отнестись к внутреннему миру глубоко одинокого, склонного к рефлексии и не находящего ответа на свои вопросы Гренделя с сочувственным пониманием. Грендель не чужд мысли о том, чтобы встать на путь добра, к чему его зовут подслушанные им песни бардов во дворце Хродгара. Однако автор приводит своего героя к убеждению, что никакого добра и зла нет, все лишь иллюзия. Люди в глазах Гренделя - существа нелогичные, жестокие и, в итоге, интриговавшие его человеческие песни и верования оказываются глупым обманом. То, что он время от времени питается человечиною, оправдано, во-первых, естественными потребностями героя, а, во-вторых, крайней несимпатичностью людей, которые и сами зачастую убивают друг друга и которым к тому же следует отомстить за обманы их песен, а в-третьих, нельзя же, чтобы они чересчур расплодились. До слез жалко и бессловесную мамашу Гренделя - лишь она во всем свете любит своего сыночка, а Беовульф коварно и нечестно погубил ее опору и кормильца! Одним словом, основная философская идея романа в том, что ценности относительны и зависят от точки зрения.

(36) Имя Бэггинс содержит английский корень “bag” (“мешок”, “сумка”), “end” по-английски “тупик” или “конец”; таким образом, название поместья Бильбо - Бэг-Энд - переводится как “тупик мешка”, “конец мешка” или “дно мешка”.

(37) “Бэг Энд” - так называли местные жители вустерскую ферму тетушки Толкина Джейн (в Англии частные дома, как правило, носят имена). Изю всех графств Англии вустершир больше всего напоминает заселье, и Толкин называл эти места своим истинным “домом”.

(38) Этим замечанием я обязан статье Джессики Кембалл-Кук, в журнале *Amon Hen: the Bulletin of the Tolkien Society of Great Britain*, no.23 (декабрь 1976), с.11. - Т.Ш.

(39) В оригинале распространенная английская идиома “his heart is in the right place”, не имеющая аналога в русском языке и здесь переведенная дословно.

(40) Так охарактеризовал Бильбо Гэндальф в первой главе “Хоббита”, пытаясь загладить неблагоприятное впечатление, которое произвел на гномов вырвавшийся у Бильбо при упоминании об опасностях предстоящего путешествия вопль испуга.

(41) См. Paul Kocher, *Master of Middle-earth* (Boston: Houghton Mifflin, 1972), Penguin Books edition, 1974, p.24. - Т.Ш.

(42) Имеется в виду сцена, где Фальстаф вербует солдат в свое войско. Одним из кандидатов является дамский портной с символическим именем Немочь (в переводе Б.Пастернака).

(43) Петер Кристен Асбьорнсон (1812-85) и Йорген Ингербретсен Моэ (1813-82) - норвежские собиратели народных сказок (как братья Гримм в Германии) и саг. Асбьорнсон был также известен как писатель, Моэ - как писатель и богослов (с 1875г. он - лютеранский епископ). Первое издание собранных ими сказок было осуществлено в 1845г.

(44) В сказке “Могильный холм” солдат торгуется с чертом за душу умершего, который лежит в могиле. Условие выдачи души - наполнить золотом сапог солдата. Но солдат отрезал у сапога голенище и поставил его на край ямы. Поэтому сколько черт ни бегает за золотом - сапога ему не наполнить. Наконец сквозь тучи пробивается луч взошедшего солнца, и черту приходится убраться восвояси.

(45) “...Ненависть его была сильнее страха. она была сильнее даже физической боли. Таким и застала его вечность, как рассвет в старых сказках застает и превращает в камень продавших свою душу” (пер. Н. Трауберг).

(46) “...Время там как везде... просто вещи этого мира в разных местах растут, стареют и меняются по-разному. Для эльфов мир движется так же, как для всех, с той только разницей, что для нас он одновременно мчится сломя голову и ползет, как улитка. Нам кажется, что он мчится, оттого, что сами эльфы почти не меняются, а все остальное безудержно уплывает мимо, и мы не можем не грустить об этом. А ползет оттого, что эльфы не считают бегущих лет: им этот счет не нужен. Мелькающие времена года для них - только легкая рябь, играющая на водах длинной, длинной реки. И все же под солнцем в свой черед стареет все” (“Властелин Колец”, т. I, сс.568-9).

(47) C.S.Lewis, *The Problem of Pain* (London, Geoffrey Bles, 1940), Fontana Books reprint, 1957, p.42. - Т. III.

(48) В битва при Куллодэне (16.4.1746) английские войска нанесли сокрушительное поражение шотландцам, надеявшимся видеть на английском троне шотландскую династию Стюартов.

(49) битва при Фалькирке.

(50) См. “The Wreck of Birkenhead”, *Annual Register* 1852, pp.470-3. - Т. III.

(51) См. *The Vinland sagas*, пер. М.Магнуссона и Х.Паллсона (Harmondsworth: Penguin Books, 1965), p.104. - Т. III.

(52) Битва при Ватерлоо и битва при Альбуэре

(53) Крайне важное для Толкина понятие. Он подробно говорит о нем в ОВС (ПТБ, сс.432-438, где называет обязательным элементом волшебной сказки. Термин “эвкатастрофа”, изобретенный самим Толкином, означает “счастливый конец”(от древнегреч. *eu* - “хорошо” и *katasrophe* - “развязка”). Толкин пишет: “Эвкатастрофическое повествование - истинная форма сказки,

наивысшая реализация ее возможностей.

Сказочное Утешение, радость от счастливой концовки - или, точнее, счастливой развязки, неожиданного радостного “поворота”, ... - вот одно из благ, которыми волшебная сказка особенно щедро оделяет людей. По сути своей это не радость Побега, не радость “беженца”. В сказочном оформлении, в обрамлении Другого Мира эта радость - неожиданно и чудесно снизошедшая благодать, которая, может быть, больше никогда не возвратится. Она не отрицает существования “дискатастроф” (несчастных развязок), ... ведь без них невозможна радость избавления. Но она отрицает (если хотите, вопреки множеству фактов) всеохватное окончательное поражение и в этом смысле является *евангелием* (благой вестью), дающим мимолетное ощущение Радости вне стен этого мира - Радости острой, как горе”.

(54) Поскольку это место спорное, я привожу этот отрывок не в собственном переложении, а в переводе Кларка Холла и Ренна, к которому Толкин написал в 1940 г. предисловие.

(55) C.S.Lewis, *The Problem of Pain* (London, Geoffrey Bles, 1940), с.62 - Т.Ш.

(56) Т.е. слишком много абстрактной “драконовости” и слишком мало реального дракона.

(57) “Чудовища и критики”, сс.258-259. - Т.Ш.

(58) Дж.Буньян (1628-1688), автор “Пути Пилигрима”, пастор, человек сложнейшей судьбы, написал около шестидесяти книг христианского содержания. Самое знаменитое произведение - как раз дидактический роман “Путь Пилигрима”, где в аллегорической форме повествуется о духовном пути стремящейся к Богу души.

(59) Мисс Хэвишем - героиня романа Чарлза Диккенса “Большие надежды”.

(60) “Надеюсь, ты не стал меньше доверять пророчествам только оттого, что сам приложил руку к их осуществлению?! “ (“Хоббит”, с.307).

(61) “Речи Вафтруднира” - песня из “Старшей Эдды”, где великан Вафтруднир и Один (инкогнито) соревнуются, задавая друг другу каверзные вопросы об устройстве мира. Характерно, что ставка в этом состязании - жизнь.

(62) Искраженные английские слова.

(63) Под словом “эдвардианский” здесь имеется в виду преобладающий стиль жизни в Англии в начале века (царствование короля Эдварда VII - с 1901 по 1910гг.). Считается обычно, что “эдвардианская” эпоха продолжалась до начала Первой Мировой войны и представляла собой, по выражению одного ученого, передышку между тревожностями индустриальной революции и ужасами мировых войн. Сравнительная бестревожность этого периода породила повышенное внимание к уюту и комфорту, к культуре обыденной жизни и еды. В расцветшей пышным цветом английской детской литературе того времени этим темам уделяется большое внимание. Несомненно “эдвардианскому” периоду принадлежит и Бильбо Бэггинс, с его мирным и уютным жилищем, привычкой к комфорту, слабостью к еде - и умением поесть не только плотно, но и красиво.

Глава 4

Картографический замысел.

Карты и названия

От публикации “Хоббита” до выхода в свет “Властелина Колец” прошло семнадцать лет. Это понятно - в промежутке разыгралась Вторая мировая война, повзрослели дети Толкина, а сам он все эти годы нес бремя множества профессиональных обязанностей, которыми, по его позднему утверждению, он никоим образом не пренебрегал. Однако главной причиной долгого перерыва в писании были темпы развития его творческого процесса. Он был по-прежнему поглощен Средьземельем, и, на самом-то деле, именно ему посвятил “лучшие годы” своей ученой карьеры; однако он считал, что “вскисание”, “ферментацию” “Властелина Колец” подгонять и торопить не стоило. Можем заглянуть в его творческую лабораторию и мы. Для этого нужно только взять “Хоббита” и “Властелина Колец” и посмотреть, как именно использует Толкин в этих двух книгах карты и имена, поскольку именно этим они прежде всего отличаются друг от друга.

В “Хоббите” имен и названий на удивление мало. Это, конечно, в первую очередь имена двенадцати гномов, позаимствованные из эддической песни “*Двергатал*”(1). Я думаю, большинство читателей действительно воспринимает эти имена как однородное единство, нарушаемое только именами Фили и Кили - самых молодых гномов, Бомбура - который выделяется среди прочих по толщине, Балина - который добрее прочих, и Торина, который всех главнее. Кроме этих имен, в “Хоббите” есть еще несколько имен эльфийских, но ни один из персонажей, которые носят эти имена, - Бладоргин, Дорвинион, Гирион, Галион, - не играет в повествовании сколько-нибудь значительной роли; то же самое относится и к эльфийским названиям Мория и Эсгарот. Эльфийский король в “Хоббите” остается анонимным и получает имя - Трандуил - только во “Властелине Колец” (т.I, с.359). Хоббичьих имен тоже не густо - только Бэггинсы, Тукки и Саквилль-Бэггинсы (эти последние для Средьземелья аномальны и выпадают из общего тона), и вдобавок еще “гг. Грубб, Грубб и Рывтинг” - организаторы Распродажи, описанной в конце книги. Плюс к этому Элронд, Азог, Радагаст, оноματοпоэтические имена Воронов (Роак и Карк) - вот и все. На этом этапе Толкин больше всего любил создавать имена с помощью обыкновенных заглавных букв. Так, Бильбо жил в туннеле, который “шел не прямо, а все поворачивал и поворачивал, уходя в глубину холма, который на много миль в округе все так и называли Холмом”. Речка у подножия Холма называется Река, хоббичий город у реки - Хоббитон (“в Приречье”), и так далее вплоть до Диких Земель, где мы обнаруживаем Туманные Горы, Долгое Озеро, Одинокую Гору, реку под названием Бегучая и долину под названием Дейл¹. По сути, к тому же списку принадлежит имя “Гэндальф”. Оно тоже заимствовано из эддической песни “*Двергатал*”, в которой упоминается рядом с именами “Траинн”, “Торинн” и “Трор”. Однако Толкин, по всей видимости, питал по отношению к эддическому имени “Гандальф” некоторые подозрения, поскольку оно содержит элемент *-alfi* (то есть “эльф”), в то время как, по мнению Толкина, эльфы и гномы сосуществуют только на страницах ОСА. Как же затесался “Гэндальф” в одну компанию с гномами, и что вообще означает первый элемент этого имени - *gand*-? Если Толкин заглядывал в “Словарь исландского языка” Р.Клиси и Гудбранда Вигфуссона, он прочитал бы там, что, по мнению авторов, значение корня *gandr* “не вполне прояснено”, но, возможно, он означает “нечто заколдованное”, или “предмет, используемый заклинателем”. При этом *“gandalfi”* означает “волшебник”, или, возможно, “заколдованный

демон”. Естественно, Толкин сделал отсюда вывод, что “*gandr*” означает “жезл”, а жезл - обычная принадлежность волшебников, об этом знает всякий, благодаря хотя бы шекспировскому Просперо(2) или мильтоновскому Комусу(3). Соответственно, когда Гэндальф впервые появляется в повествовании, происходит следующее: “*Старик и посох* (посох впоследствии оказывается жезлом. - М.К.) - вот все, что ничего не подозревавший Бильбо увидел перед собой в то достопамятное утро” (курсив мой - Т.Ш.). Позже выясняется, что Гэндальф все-таки не эльф, зато в конце “Властелина Колец” читатель узнает, что Гэндальф прибыл в Средьземелье именно из Страны Эльфов. Итак, на самом деле изначально “Гэндальф” - не имя, а описание, как и в случаях с Беорном, Голлумом, Некромантом и прочими именами и названиями, которые встречаются в “Хоббите”.

Поскольку “Сильмариллион”, с его хорошо развитой номенклатурой, в то время уже существовал, неправильно было бы сказать, что в 30-е годы Толкин просто еще не так сильно интересовался именами. Похоже, что он просто не знал, следует ли ему обильно вводить их в свою прозу, особенно в тех случаях, когда это были имена английские. Тем не менее проблема имен обратила на себя его внимание. Как только “Хоббит” был напечатан, Толкин сконцентрировался на ней с неожиданной энергией, как видно из повести “Фермер Джайлс из Хэма”, опубликованной только в 1949г., но сочиненной, по всей видимости, в период с 1935 по 1938 годы, то есть примерно в то же самое время, когда создавался окончательный вариант “Хоббита” (ХК, сс. 165-6). Это проливает много дополнительного света на развитие толкиновского художественного творчества и освещает его с неожиданных и интересных сторон. Прежде всего, “Фермер Джайлс из Хэма” - единственная повесть Толкина, действие которой разыгрывается не где-нибудь, а - со всей определенностью - именно в Англии, и, несмотря на то, что сама история относится к тому же разряду, что и стихи “Матушки Гусыни”(4)². В повести есть также мимолетные отсылки к Старому Королю Колю и королю Лиру, на котором лежит вина за “передель”, которые произошли при “Локрине, Камбре и Альбанак”(5). Эта фраза показывает, что воображаемый “редактор” руководствуется ничем иным как “Книгой Брута”, вымышленной историей Британии, в средние века (и позже) принимавшейся за чистую монету. “Редактор” называет автора “Сэра Гавейна и Зеленого Рыцаря” “историком артуровского времени”, парафразируя его строку: “*Where ... oft boþe blysse and blunder/Ful skete hatz skyfted synne*”: “Годы проходили в частой смене войны и мира, радостей и плача”³. География описываемых событий дана с удивительной точностью. Хэм - это теперешний “Тэм”, город в Бэкингэмшире, в двенадцати милях от Оксфорда. Уормингхолл⁴ находится в четырех милях от Тэма, а Оукли, деревенька, в которой дракон сожрал священника, - в пяти. Столица “Срединного Королевства”, которая лежит “примерно в двадцати лигах от Хэма”, - это, по-видимому, Тэмуорт, историческая столица королей Мерсии, от которой до Тэма шестьдесят восемь миль по прямой (заметим кстати, что в лиге три мили). Фартингоу в Нортхэмптоншире, местечко, “где одно время держали аванпост, на случай нападения Срединного Королевства”, находится на линии, которая соединяет эти два места, примерно в трети пути от Тэма - в доказательство того, что “Малое Королевство”

не питало никаких территориальных притязаний. Уэльс, обиталище великанов, и горы (Пеннинские), где жили драконы, по этой провинциальной шкале находятся, конечно, очень далеко, что вполне вписывается в общую картину. А когда фермер Джайлс отказывается слушать про людей, которые живут “к северу, за холмами, и еще дальше, за каменными столбами”, он имеет в виду, по всей видимости, Варвикшир, граничащий с Оксфордширом как раз по Роллрайтским камням(6).

В любом случае, критика воображаемого “редактора”

“Фермера Джайлса” в адрес воображаемого “автора” за то, что последний “слаб в географии”, в высшей степени несправедлива: этот “автор”, как и сам Толкин, “жил в пределах Малого Королевства” и знал, о чем пишет. Но зачем вдруг понадобилась такая исключительная точность? Очевидно, Толкин хотел воссоздать вневременную, идеализированную Англию (или, лучше сказать, Британию), в которой места и люди оставались бы неизменными и не зависели от политики текущего момента. История “Фермера Джайлса из Хэма” представляет собой поэтому триумф национального над заграничным (поскольку при дворе Джайлса “в моду вошел простонародный язык, и больше не нужно было произносить речи на книжной латыни”), но одновременно еще и триумф истинных ценностей над преходящими поветриями, а также героических поэм и народных песен над помпезной и суетливой рационалистической ученостью. Во всем этом “Фермер Джайлс” продолжает линию, начатую еще в стихотворениях вроде “Человечка с Луны” и тех, что вошли в “Хоббита”. Та же самая линия сквозит в его неприятии ОСА с его вызывающе “цивилизованным” определением понятия “*blunderbuss*”⁵ (7). Однако при этом повесть можно рассматривать и в ряду других вещей, написанных в тот же период; во всех них отражается произошедший в авторе внутренний сдвиг от академизма к творчеству (см. сс. 39-50, выше). “Лист кисти Ниггля” - аллегория; аллегоричен ли “Фермер Джайлс из Хэма”?

Основной повод подозревать “Фермера Джайлса” в аллегоричности подает союзник Джайлса, священник, “*grammarian*” (заметьте!), который, “при его книжной учености... мог предвидеть будущее гораздо лучше, чем другие”⁶. Главное, что он сделал в повести - напомнил Джайлсу взять с собой веревку подлиннее, когда тот отправлялся сражаться с драконом. Без этой веревки, если разобраться трезво, не было бы ни сокровища, ни ручного дракона, ни Тэма, ни самого Малого Королевства. Более того, священник в некотором смысле помог Джайлсу и с мечом - Хвосторубом. Именно он догадался, что это за меч, в то время как Джайлз и мельник только спорили о его происхождении. Когда меч отказался войти в ножны (по той причине, что поблизости был дракон), священник утвердился в этой догадке; он поворчал по поводу “очень древних букв и архаических рун”⁷, но ему все-таки удалось прочитать руны и определить, что Джайлсу достался знаменитый Хвосторуб (или, на латыни, которой предпочитает пользоваться священник, Каудимордакс). С помощью науки священнику удастся вдохнуть в Джайлса мужество. Как ни посмотри, Джайлс многим обязан священнику, - уж конечно куда большим, нежели Августу Бонифацию Амброзию Аврелию Антонину, гордому тирану, который послал Джайлсу этот меч только потому, что тяжелые, неразукрашенные вещи вышли при его дворе из моды. Практически невозможно устоять перед искушением и не заключить, что священник, сочетающий в себе ученость, склонность пускать пыль в глаза и здравый смысл, представляет в повести идеализированного филолога (и при этом еще христианина); в этом случае гордого тирана Среднего Королевства, который так легко расстается с самым ценным из своих мечей, легко счесть аллегорическим изображением литературной критики, которая пренебрегает изучением истории языков! Эти параллели можно продолжить: при таком повороте дел фермер Джайлз - это творческая интуиция, веревка (и Хвосторуб) - филология, дракон - аллегория древнего мира, созданного воображением Севера и зорко охраняющего сокровище утраченных песен, а Малое Королевство - воображаемое пространство, которое надеялся запечатлеть Толкин в своей повести, и не только запечатлеть, но еще и наделить независимостью и населить присущими этому пространству обитателями. Разумеется, такая аллегория могла быть не более чем шуточной⁽⁸⁾, но это была бы шутка вполне в стиле Толкина, - шутка, которая служила бы оптимистическим противовесом “Листу кисти Ниггля”, написанному несколько лет спустя.

На протяжении всей повести в ней царит лингвистический юмор, начиная с мрачных присловий кузнеца по прозвищу “Сэмми Солнышко” и его тупого, упрямого недоверия к именам Хилариус и Феликс: “А звучит-то как зловеще! Нет, не нравятся мне эти святые”⁽⁹⁾, до

джайлсовских диалектных по природе грамматических ошибок, которые сам Джайлс ошибками не признал бы. Таким образом, название *Thame* превращается в *Tame*⁸, “потому что писать названия *Thame* с *h* после *T* - глупость совершенно неизвинительная”⁹. На самом деле, конечно, все, что Толкин рассказывает о происхождении названий Тэм и Уормингхолл *¹⁰ - чистая выдумка и ни на чем не основано. Однако даже в настоящей, не литературной реальности написание “*Thame*” (с “*h*” после “*T*”) действительно является совершенно неизвинительной глупостью, которая завелась в Англии с тех давних пор, когда на язык нахлынула волна книжной латыни, принесшая с собой такие написания, как *Thames*, *Thomas*, а также *could*, *debt* и *doubt*¹¹, а с ними добрую половину прочих неозвученных, внеисторических, неанглийских вставных букв, которые и по сей день отравляют английское правописание. По всей очевидности, Толкину хотелось бы, чтобы их не было. Его оскорбляло то, как мало понимания выказывали современные ему носители языка по отношению к английским именам, английским топонимам, английской культуре. В “Фермере Джайлсе из Хэма” чувствуются раздумья Толкина над проблемами пересоздания и непрерывности - имена и названия мест не меняются в зависимости от того, что думают о них люди. Хотя Толкин в своем “Джайлсе” всего лишь шутит, названия “Тэм” и “Уормингхолл” - это уже очень большой шаг вперед по сравнению с “Холмом” и “Рекой”. А название “Фаргингоу” заставило Толкина задуматься над засельскими “Пределами”¹².

Дальнейшее движение к “Властелину Колец” проследить легко. В “Хоббите” всего около сорока или пятидесяти имен, и при этом довольно-таки случайных, а именные указатели “Властелина Колец” насчитывают более шестисот имен одних только людей, зверей и чудовищ, почти столько же топонимов и около двух сотен названий различных предметов, которые классификации не поддаются, а именами обладают. Точно таким же образом фигурирующие в “Хоббите” карта Трора и карта Дикоземья, ничего не добавляющие к повествованию, а только его украшающие, придавая ему оттенок некоторой экзотики (как надписи типа “Здесь - тигры”, встречающиеся на старинных географических картах”), уступили место сложной вчетверо карте Средземелья, которой было снабжено первое издание “Содружества Кольца”, еще более подробной карте окраин Гондора и Мордора в “Возвращении Короля”, карте Заселья в “Прологе” и еще более тщательно разработанной общей карте, которая была выпущена в 1970г. художницей Паулиной Бэйнс(10) в виде плаката. Все эти карты изобилуют деталями, которых нет в тексте. Далее, персонажи “Властелина Колец” вообще весьма склонны к разговорам о картах, причем исторических. В т.1 на с.559 Арагорн говорит: “Там, куда ты смотришь, на юго-западе, простираются Роханские дуга - там живут Владыки Табунов. Вскоре мы увидим устье Ясного Лима - реки, текущей из Фангорна. По этой реке как раз и проходит северная граница Рохана.” Немногом раньше Кэлеборн прослеживает путь Великого Андуйна до “...высокого острова, называемого Каменец, или, по-эльфийски, Тол Брандир”. Там река водопадом обрушивается в “Ниндальф, или, на вашем наречии, Низкодолье. Это обширная топкая, заболоченная низина, где Река петляет и разделяется на множество рукавов. Там в Андуйн впадает разветвленная дельта реки Энтвейи... Берега Энтвейи принадлежат Рохану. Роханские земли - по эту сторону Великой Реки. С другой стороны - голые скалы Эмин Муйла”. Поток сведений и имен кажется безостановочным. Это обостренное внимание к картам разделяют с Арагорном и Кэлеборном многие другие - и Гимли, и Гэндальф, и Фангорн, и даже Мериадок. Для чего же понадобилась такая тщательность в разработке карт?

За ответом, как ни странно, придется вернуться к “Хоббиту”. Там рассказывается, как, набравшись смелости, Бильбо спросил Гэндальфа - почему некий предмет называется “Каррок”?

А потому, что это *и есть каррок*, - отвечает ему вредный Гэндальф (с.119):

“Он <Беорн> назвал это Карроком, потому что это и есть самый настоящий каррок. Такие штуки он всегда называет карроками, а эту величает Карроком с большой буквы, поскольку она в окрестностях его дома одна такая и он хорошо ее знает”.

Это объяснение ничего не объясняет, более того - оно даже не соответствует истине: “*carrec*” - древневаллийское слово, которое означает “скала” и сохранилось в составе некоторых современных названий, таких, как Крикхауэлл в Бреконе (или Криккова Лощинка - *Crickhollow* - в Бэкланде ¹³). Однако здесь Гэндальф указывает на некоторое важное свойство имен, а именно: они произвольны, даже если поначалу таковыми и не были. Когда-то в древности все имена были такими, как “Гэндальф” или “Холм”. Например, Квакмортон в Заселье (“*Frogmorton*”) ¹⁴ - это городок “в болотистой местности, где живут и квакают лягушки” (см. Рук., с.185), фамилия Толкин означала когда-то по-немецки “*der tollkühne*”, или “храбрец”, Саффилд (фамилия матери Толкина) - “некто с южного поля” и так далее. Однако *сегодня те же самые имена воспринимаются иначе*. На современный взгляд это просто ярлыки, то есть знаки, которые строго закреплены за теми вещами, к которым прицеплены. Выражаясь несколько помпезнее, “они изоморфны реальности”. А это означает, что они очень полезны при создании “фэнтэзи”, поскольку создают впечатление реальности фантастического мира: каждое упоминание того или иного имени содержит скрытое уверение в том, что вещь, обозначаемая этим именем, действительно существуют, а стало быть - у нее есть своя природа и своя история. Это новое уравнение Толкина, в котором фантазия приравнивается к реальности, ярче всего выражено в карте, приложенной к рассказу об устройстве и истории страны хоббитов, Заселья - “*The Shire*”, “Шайра”(11), расширенного “Малого Королевства” (если можно так выразиться), пересаженного на почву Средьземелья. Заселье проще всего описать как “кальку” с Англии. Лингвистический термин “калька, калькирование” означает следующую процедуру: элементы сложного слова последовательно переводятся на другой язык, чтобы опять составить то же самое слово, но уже на новом языке, - например, по-французски “громкоговоритель” звучит как *haut-parleur* (“громко” + “говорить”), по-английски - как “*loudspeaker*” (то же самое); “лошадина сила” по-ирландски - *each-chumhacht* (*each* означает “лошадь”: это то же самое слово, что древнеанглийское *eoh* и латинское *equus*, см. с.19, выше), то есть, опять-таки, является калькой с английского. В кальках примечательно то, что производное звучит совсем не так, как оригинал, но тем не менее все в производном слове выдает его зависимость от оригинала. Так и Заселье с его хоббитами: они и похожи, и непохожи на Англию и англичан. Хоббиты живут в Заселье, а англичане живут в Англии, но, как и англичане, хоббиты пришли в эту землю из других мест, и не просто “вообще” из других мест, а тоже из “угла” (англичане - из Европы, из “угла” между Фленсбургским фиордом и Шлеей, а хоббиты - из средьземельского “Угла” между реками Хойрой и Ревущей). И те, и другие давно позабыли о том, откуда явились. И те, и другие переселились в новые земли тремя племенами: англичане - как англ, саксы и юты, хоббиты - как Дубсы, Шерстоны и Белоскоры. Впоследствии и та, и другая тройка племен в основном перемешались. Англичанами предводительствовали два брата, Хенгест и Хорса, что в переводе означает “жеребец” и “конь”, а хоббитами - некие Мархо и Бланко: по-древнеанглийски **marh* - “конь”, а *blanca* (встречается только в “Беовульфе”) - “белая лошадь”(12). Каждая из этих двух пар основала государство, и для обеих государств через некоторое время начался период необычно долгого мира: в Заселье не было ни единого сражения на всем отрезке времени от битвы при Зеленополье (1147г.) до Битвы в Приречье (1419г.) - то есть за двести семьдесят два года. Почти столько же лет (а точнее, ровно двести семьдесят) прошло между последней битвой, которая разыгралась

на английской земле (сражение при Седжмуре в 1685г.(13)) и публикацией "Властелина Колец". Организационно Заселье, с его мэрами, войсковыми смотрами, сходками и полицейскими-шерифами (*Shirriffs*)(14), тоже представляет из себя старомодную, идеализированную Англию, а хоббиты, с их незамысловатостью и жадностью, часто встающие втупик, страдающие недоверием к "чужакам"¹⁵ и, прежде всего, обладающие обманчивой для постороннего способностью долго выдерживать грубое обращение, формируют легко узнаваемое, хотя и, опять-таки, старомодное представление англичан о самих себе. Однако всего заметнее "кальки" при изучении средьземельских карт.

Здесь нужно сразу сказать, что большинство засельских названий Толкин заимствовал из ближайших окрестностей собственного дома. Так, например, название "*Nobottle*" в Северном Пределе Заселья заставляет носителя английского языка вспомнить о стеклотаре (буквальный перевод двух составных частей этого слова - "*no*" и "*bottle*" - "нет" и "бутылка" - М.К.). Но окрестный пейзаж вряд ли навеивает подобные ассоциации. В действительности это название (в нашем переводе - "Новодолбы", - М.К.) происходит от древнеанглийского *niowe*, "новый", + *botl*, "дом" (как в древнеанглийском слове *bylla*, которое входит в воображаемую древнеанглийскую этимологию слова "хоббит" - от **holbylla*). В Нортхэмпшире, в тридцати пяти милях от Оксфорда (неподалеку от Фардингстоуна¹⁶) есть и местечко с таким названием. Слово "*Nobottle*" означает примерно то же самое, что и "*Newbury*"("Ньюбэри"), - город с таким названием¹⁷ лежит в двадцати пяти милях от Оксфорда, есть он и на карте Заселья, или, точнее, Бэккланда. "Бэккланд" - тоже название, заимствованное с карты Оксфордшира, но встречающееся также и в других частях Британских островов благодаря своей довольно скучной этимологии: оно происходит от слова "*boerland*", что означало когда-то "земля, переданная королем в пользование церкви", в отличие от "*folcland*" (в переводе "народная земля") - земли, которая принадлежала кому-либо неотчуждаемо. В Средьземелье такая этимология невозможна, поэтому Толкину пришлось выдумать другую, более подходящую: Бэккланд - это попросту земля, на которой живет род Бэков, то есть, по сути, именно "народная земля", "*folcland*", с центром в Бэкбэри, подобно "Туккланду" с центром в Туккборо. Что касается фамилии "Тукк" (*Took*), то для уха современного англичанина это имя кажется немного смешным (некоторые предпочитают писать его как "*Tooke*" (чтобы не возникало ассоциации с формой прошедшего времени глагола *to take*, "брать, хватать" - М.К.)), однако это не более чем северный, диалектный вариант обычной английской фамилии "Такк" (*Tuck*). Стоит пролистать "Оксфордский словарь топонимов", "Названия английских рек" Е.Экуолла или "Словарь британских фамилий" П.Х.Рини, и вы получите объяснение для большинства хоббитских фамилий и топонимов. Это справедливо - только уже по другой, более ученой мерке - и для всего остального Средьземелья. Так, *Wetwang* (Низкодолье) Кэлеборна - это Йоркширский топоним, *Dunharrow* (Дунгарская крепость) Всадников имеет в Англии очевидные параллели, реки *Gladden* (Сабельница), *Silverlode* (Серебряная), *Limlight* (Ясный Лим) и другие тоже имеют английские корни или аналоги, и так далее. На все это должно было уйти очень много работы. Представляется также, что большая часть этой работы была потрачена зря, потому что, несмотря на все старания персонажей, половина фигурирующих на карте названий осталась за бортом повествования. Однако Толкин наверняка полагал, и, вполне вероятно, полагал правильно, что усилия все же были потрачены не впустую. Карты и имена придают Средьземелью то впечатление основательности и протяженности во времени и пространстве, которого определенно недостает подражателям Толкина. Карты указывают на то, что размах толкиновских замыслов значительно увеличился со времени первых, пародийных сцен "Хоббита", и заключительных, написанных в тоне отстраненного одобрения происходящих событий. Кроме того, карты и имена попросту поставляли зерно для творческой мельницы Толкина, мельницы, столь подобной мельницам Бога, которые мелют медленно, зато в результате получается мука исключительно тонкого помола.

Примечания:

¹ “Dale” - по-английски “долина”. - М.К.

² Взять хотя бы сцену на мосту, когда дракон Хризофилак, вонзая коготь в королевскую белую лошадь, ревет: “Мало рыцарей кормит воронов в горных ущельях? Захотелось покормить еще и рыб? Немного ждать, скоро туда отправится вся королевская конница и вся королевская рать!” (курсив мой - Т.Ш.) (Выделенне курсивом слова - цитата из стихка, который входит в сборник “Сказки Матушки Гусыни”. Во всех случаях, когда нет особого указания, здесь используется перевод “Фермера Джайлса из Хэма”, выполненный А.Ставиской и помещенный в ПТБ. - М.К.

³ Пер. Г.Усовой, в кн. “Сказки старой Англии”, М., “Мастер”, 1992. - М.К.

⁴ В пер. Г.Усовой “Чертог Ящера”. В пер. А.Ставиской это название утрачено. - М.К.

⁵ Т.е. “пугача”, джайлсовского “ружья с раструбом”, в пер. Г.Усовой “мушкетона”. - М.К.

⁶ Пер. Г.Усовой. - М.К.

⁷ В пер. Г.Усовой “эпиграфических знаков”. - М.К.

⁸ Игра слов: по-английски *tame* означает также “ручной” - М.К.

⁹ Перевод наш. В современном английском принято написание *Thame*. - М.К.

¹⁰ В пер. А.Ставиской этот рассказ опущен. - М.К.

¹¹ Во всех этих трех словах предпоследняя буква не произносится. - М.К.

¹² В оригинале “Предел” - “*Farthing*”. - М.К.

¹³ См. “Властелин Колец”. - М.К.

¹⁴ *frog* - по-английски “лягушка”. - М.К.

¹⁵ Кстати, эти “чужаки” спровоцировали одну из самых слабых шуток Толкина. В давние времена в английских деревнях существовали “обходчики”, чьей обязанностью было устанавливать границы селения и, таким образом, ставить предел “чужакам”. Однако в слэнге, который имел хождение во времена толкиновской юности, соответствующее английское слово “*bounder*” (здесь переведенное как “обходчик” - М.К.), согласно свидетельству ОСА (после 1889г), как раз означало человека, “чье поведение ставит его вне круга хорошо воспитанных людей”, то есть “чужак”, “аутсайдер”. На этом построена шутка во “Властелине Колец”. - Т.Ш. (В переводе утрачена. Смысл шутки в том, что именно “Обходчики” (“*bounders*”) охраняют Заселье от “чужаков”. - М.К.)

Похоже, что на ранних стадиях создания “Властелина Колец” Толкин еще не решил в точности, насколько смешными должны быть хоббиты. Что-то от пародийного элемента, столь сильного в “Хоббите”, на протяжении нескольких первых глав присутствует и во “Властелине Колец”: говоря о своем стаодиннадцатилетнем юбилее, Бильбо заявляет, что ему исполнилось “одиннадцать с хвостиком”, о хоббитах, которым уже исполнилось двадцать, но еще нет тридцати, говорят, что они пока еще не вышли из своих “*tweens*” (По аналогии с выражением “не вышли из своих *teens*” - так говорят о подростках, которым еще нет двадцати, откуда вошедшее в русский язык слово “тинэйджеры”. В нашем переводе специфика этой шутки утрачена. - М.К.), “*mathoms*” (в нашем переводе “мэтэмы”: так, на основе древнеанглийского слова “драгоценность, сокровище”, назывались у хоббитов много раз переключивавшие от одного хоббита к другому бесполезные подарки, в конце концов переданные в музей. - М.К.) и так далее.

¹⁶ Ср. у Толкина название “*Farthingstone*”, в нашем переводе “Межевой Камень” - М.К.

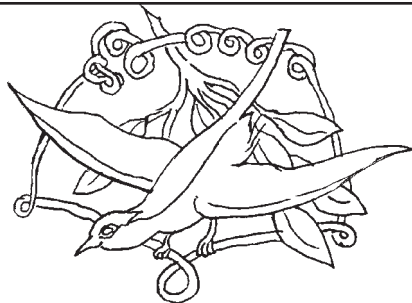
¹⁷ В нашем переводе - “Новый Поселок”. - М.К.

Лиха беда начало

В примечании к эпилогу своего эссе „О волшебных сказках“ Толкин делает такое замечание, или, скорее, признание: каждый сказочник хочет выразить своей сказкой какую-то истину, но „вдохновение“ редко бывает столь сильным и постоянным, чтобы с его помощью можно было заквасить все тесто и не оставить ничего, что можно было бы назвать „просто выдумкой“, не просветленной его лучами. Иногда думают, что авторы начинают писать под влиянием мгновенного приступа „вдохновения“, а когда „вдохновение“ иссякает — продолжают по инерции, на одной выдумке(15). В случае Толкина, как я думаю, все было как раз наоборот: он начал с довольно тщательно разработанной „выдумки“ и, по мере того как повествование продвигалось вперед, обнаружил, что неизбежные осложнения, возникающие внутри „выдумки“, как раз и порождают „вдохновение“. Так, „Хоббит“ по-настоящему „трогается с места“ не раньше, чем Бильбо находит Кольцо, но и тогда события набирают ход далеко не сразу; это происходит лишь, когда отряд, погостив у Беорна, достигает Чернолесья. Сказанное справедливо и в отношении „Властелина Колец“.

Примечательно, например, что хоббита Фродо приходится выживать по меньшей мере из *пяти* „гостеприимных приютов“, прежде чем он окончательно устремляется на выполнение своей миссии: сперва из Котомки, затем из маленького домика в Крикковой Лощинке, хранимого Фредегаром Болджером (Пончиком), которого хоббиты с собой не берут, затем из обители Тома Бомбадила, потом из трактира „Пляшущий Пони“ и, наконец, из Ривенделла — „Последней Гостеприимной Обители к востоку от Моря“. Конечно, каждое из этих пристанищ охарактеризовано по-своему и предлагает свои встречи, причем некоторые из встреч (как, например, с Бродягой) оказываются жизненно важными. Тем не менее возникает чувство, что пафос повествования на этом этапе не в опасностях, а в отдыхе от опасностей — горячие ванны в Крикковой Лощинке, песни и танцы — в Бри, у Златовики — вода, которая веселит, как вино, а потом — „маленькая и уютная комнатка“ у Подсолнуха с „горячим супом, холодным мясом, ежевичным пирогом, свежеепеченным хлебом, большим бруском масла и половиной головы отличного зрелого сыра“. И это все помимо перекусов *en passant*, походя, как, например, пасторальный эльфийский банкет у Гилдора Инглориона или „огромное блюдо грибов с копченой грудинкой“ у фермера Мэггота! Тем временем Черные Всадники, несмотря на „вынюхивание“ и душераздирающие крики, еще не представляют собой той угрозы, в которую они превратятся впоследствии. Возможно, они просто выжидают более удобного случая, как полагал Арагорн, но они могли много раз избавить себя от лишних хлопот, — как в Заселье, так и в Бри и на Пасмурнике: для этого нужно было только довести одно из нападений до конца. Похоже, что, как и в начале „Хоббита“, переход от привычного Заселья к архаическому Дикоземью оказался для автора весьма затруднительным. Он и сам говорил, что, в первый раз добравшись до „Пляшущего пони“, он знал о том, кто такой Бродяга, не больше хоббитов. В первом черновом наброске место Бродяги вообще занимал некий геройский хоббит по прозвищу *Trotter* („Семянка“) (ХК, с. 188). В „Хоббите“ Толкин осуществил прорыв на другой уровень с помощью троллей и Кольца. Во „Властелине Колец“ он вышел из положения с помощью чего-то вроде самоплагиата.

Первые три „настоящие“ встречи — это Старая Ива и Том Бомбадил в Старом Лесу, а позже — вне Старого Леса, на Курганах — Навье. Все эти встречи можно было бы опустить почти без ущерба для главного сюжета. Старая Ива предвосхищает энтов, или, скорее, хьорнов, но Бомбадил больше в повествование не возвращается уже ни под каким видом; о нем вспоминают

разве что на Совете Элронда, и то походя, да еще Гэндальф заезжает к нему поболтать, покончив с серьезными делами. Навье делает немного более важный вклад в повествование, предоставляя Мерри меч, который тот использует в сражении с Предводителем Черных Всадников в кн.5, — меч этот оказывается, был специально предназначен для битвы с ангмарским Королем-Чернокнижником, тем самым, что превратился в Верховного Назгула! Однако это всего лишь побочная линия. Все три упомянутых персонажа имеют в черновиках Толкина долгую историю и по возрасту сравнимы с хоббитами, а Кольца и Заселья они, вероятно, даже старше; все они присутствуют в поэме „Приключения Тома Бомбадила“, которая была напечатана в „Оксфордском журнале“ в 1934г., а песня, которую поет Фродо в „Пляшущем Пони“, переделана из раннего варианта, восходящего к 1923г. Толкин просто перерыл собственную кладовую и пустил в ход кое-какое старье, и в итоге постепенно начинаешь понимать, почему он так поступил.

Хотя поначалу, допустим, понять это не так просто. Что мы хотели бы знать о Томе Бомбадилье, так это КТО он, собственно говоря, такой. Однако этот вопрос впрямую не ставится, или, вернее сказать, на него не дается прямого ответа. В главе седьмой Фродо, набравшись смелости, все же спрашивает об этом, но в ответ слышит только: от Златовики — /1/ „Он просто есть“, /2/ „Он таков, каким кажется, вот и все“; (3) „Он — Хозяин леса, реки и холмов“ и /4/ от самого Тома: „Разве ты еще не слышал моего имени? Вот и весь тебе ответ! И другого нету!“ По сути, он кажется каким-то *lusus naturae* („причудой природы“), и категория, к которой он принадлежит, состоит только из него одного. Хоббиты сомневаются — можно ли назвать его человеком, хотя он, если не считать роста, — а ростом он ниже людей и выше хоббитов, — выглядит в точности как человек. Гораздо о большем можно догадаться по главному свойству Тома — бесстрашию, которое описано во „Властелине Колец“, но гораздо более отчетливо выявляется в стихотворении 1934г. (и, в переделанном виде, ставшем главным стихотворением сборника „Приключения Тома Бомбадила“, который был издан в 1962г.). Все содержание этой поэмы заключено в четырех столкновениях Тома с различными потенциально враждебными созданиями — Златовикой, „Дочерью Реки“, которая стаскивает его в воду, Старой Ивой, которая заманивает его в трещину, барсуками, которые пытаются утянуть его в свои норы, — а когда он, наконец, возвращается домой, за дверями его сторожит Навье:

„Ты попался! Это я, Навье из Кургана!
 Что-то нынче Бомбадил затворился рано!
 Отведу тебя в Курган, страшный, заповедный!
 Будешь под землей лежать, ледяной и бледный!“

(пер. С.Степанова)

Однако Том отвечает на угрозу всего лишь рядом простых императивов: „Ну-ка, выводи скорей...“, „...Уходи отсюда прочь...“, „Не скреби моих дверей, не сверкай очами...“, „...Уходи обратно спать в свой Курган зеленый...“, „...убирайся живо“. Освободившись от угроз Навья, Том делает следующий шаг — он возвращается к реке, чтобы похитить Златовику, увести ее от ее безымянной матери, которая прячется „в речном иле“, и сыграть свадьбу. Бормотание ведьм и леших, скребущихся за дверь, не омрачает свадебной ночи, и стихотворение кончается на том, что поутру Златовика расчесывает волосы, а Том колет во дворе ивовые сучья на лучину. Златовика говорит Фродо, что Том — „Хозяин“. ЧТО он такое на самом деле, узнать нельзя, известно только, что он ДЕЛАЕТ: господствует.

Второе главное качество Тома — естественность. Даже в его манере разговаривать есть что-то непосредственное. При этом многое из произносимого им не имеет никакого смысла. Скажем больше: эта бессмыслица — первое, что слышат от него хоббиты, еще прежде чем Том показывается в поле их зрения. А когда он произносит что-то кроме „Хей дол!“ и „Дили-бом!“,

его речи тяготеют к „назывательности“ или „ономапоэтичности“ и часто представляют собой простой перечень названий и качеств. Время от времени сквозь „гуторок“ Тома пробивается „наверное, самый древний язык на свете, только и умевший, что дивиться да восторгаться“. Но, хотя хоббиты и не понимают этого языка, смысл песен Тома до них доходит, точно так же, как доходит до них смысл песни дождя, которую поет Златовика, хотя слов в этой песне они не различают совсем; а когда Том дает чему-либо или кому-либо (например, хоббичьим пони) имя, то имя это словно прирастает, — так, поименованные Томом хоббичьи пони уже до конца своей жизни не отзывались больше ни на какие имена, кроме тех, которые дал им Том. В этом свойстве Тома слышится эхо древнего мифа об „истинном языке“, в котором для каждого слова есть своя вещь и для каждой вещи — свое слово, и в котором означающее имеет естественную власть над означаемым. Тут нам снова напоминают о языке, „изоморфном к реальности“ § (16). Повидимому, именно этот язык и его свойства дают Тому власть над его мирком. Том — не только всем певцам певец; возникает впечатление, что он не знает, что такое проза, или еще не „опустился“ до прозы. Многие из того, что он говорит, напечатано Толкином в виде стихов, но все остальное тоже можно прочесть как стихи, написанные, как правило, трехстопным хореем, и, как правило, с мужским окончанием & — взять хотя бы его последнее, как бы „прозаическое“ обращение к хоббитам: „Том даст совет, а там — дело за удачей. /Через шесть с немногим верст — Бри-гора, под нею —/окнами на запад — Бри, малое селенье. /Слышали, небось, про Бри?“ — и так далее.

Система ударений (на самом деле еще более сложная, чем я вкратце рассказал) немного напоминает ту, что была некогда принята в древнеанглийском стихе, позже введенном Толкином в свою книгу под видом роханских песен; но еще больше напоминает она строй так называемой древнеанглийской „прозы“, которую издатели до сих пор не решаются назвать стихами. Дело в том, что, хотя мы признаем ее ритмичной (что не характерно для прозы), мы не видим в ней также ничего нарочитого или искусственного (то есть, характерного для стихов). Хоббиты в доме Бомбадила и сами начинают говорить стихами: „Вскоре гости неожиданно для себя обнаружили, что распевают веселые песни, — словно петь было проще, чем разговаривать“.

Итак, Том Бомбадил бесстрашен. Некоторым образом, он представляет собой образ искусства, еще не тронутого порчей. Согласно Элронду, Бомбадила именуют также „Иарваин Бен-Адар... старейший и безотчий“. Подобно Адаму, тоже не имевшему отца, он „никого не зовет своим отцом“. Подобно первым потомкам Адама, он не подвержен проклятию вавилонского смещения языков, и язык, на котором он говорит, вытеснен всякому. Странно, правда, что Том разделяет эпитет „старейший“ с другим персонажем „Властина Колец“ — Фангорном, энтом, которого Гэндальф характеризует так: „...старейший из энтийских патриархов, да и не только из них: старше его среди обитателей нынешнего Средьземелья вообще вряд ли кого сыщешь“ (т. II, с. 102). Казалось бы, непоследовательность. Однако непоследовательности не будет, если мы допустим, что Тома нельзя назвать „живым“ в нашем смысле этого слова, как нельзя назвать „мертвыми“ Назгулов или Навье. В отличие от древнейших живых существ Средьземелья, Том не рождался. Но, по-видимому, он жил в этом краю еще до пробуждения эльфов просто как часть творения, как естественная эманация сотворенного мира. В старых текстах встречаются намеки на возможность подобной идеи. Древнеанглийская поэма „Грехопадение“ (17), первоначально написанная по-древнесаксонски, называет Адама „*self-scealte guma*“, что, калькируя, можно перевести как „сам себя слепивший человек“. Современные переводчики предпочитают что-нибудь вроде „сам себя обрекший“, а словарь Босуорта и Толлера дает вариант „сам собою родившийся“ §. Адам, конечно же, родился не „сам собою“. Но Толкин мог задуматься — какая же реальность стоит за словом „*self-scealte*“? Он должен был, кроме того, много размышлять над образом странного Зеленого Рыцаря, который бросает вызов сэру Гавейну (Толкин редактировал поэму „Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь“ в 1925 г.) (18). Как и Том Бомбадил, Зеленый Рыцарь совершенно невозмутим, а по цвету и росту очень подходит на роль „*lusus naturae*“ („духа природы“). Образ Зеленого Рыцаря побудил многих критиков отождествить его с теми дикими и холодными землями, откуда он является в мир людей. Поэт уважительно, но с некоторой неуверенностью величает его „*an aluish mayster*“ — „страшный господин“*. Зеленый человек,

нерожденный человек, человек, „родившийся сам собою“... Но что его породило? Очевидно, сама земля. Том Бомбадил — это „genius loci“, „дух места“. Но в случае с Томом Бомбадилом „locus“ — „место“ — это не бесплодные просторы Пеннинских пустошей из „Сэра Гавейна“, а заросшая ивами речка, каких в Средней Англии сколько угодно, или же долина Темзы. А Том Бомбадил, по словам самого Толкина, — это „дух (постепенно исчезающий) окрестностей Оксфорда и Беркшира“ (П., с.26).

Интересно, что начиная с 1934г. протагонистом Тома выступает Старуха Ива^{* *}. Согласно „Властелину Колец“, и Бомбадил, и Ива привязаны к реке под названием Ивий Вьюн (*Withy-Windle*). „Withy“ — это, конечно же, просто диалектное „ива“, а „windle“ — древнеанглийское *windol, „вьющийся ручей“. К северу от Оксфорда, в Варвикшире, есть ручей под названием *Withybrook* („Ивовый Ручей“), а название Виндзор в Беркшире, к югу от Оксфорда, возводят к *windsolora, что переводится как „устье вьющегося ручья“ (в этом случае речь идет о Темзе). Что же касается поразительного описания внезапно открывшегося глазам хоббитов Ивьего Вьюна в т.I, гл.6 („Золотой свет послеполуденного солнца окутывал потаенную речную долину теплом и дремой. Посреди лениво вилась бурая полоска воды, окаймленная ивами; ивы перекидывали ветви через поток, упавшие стволы ив преграждали течение, и тысячи облетевших ивовых листьев скапливались в затоках“), то оно вполне сошло бы за описание речушки Черуэлл, впадающей в Темзу в районе Оксфорда; по всей вероятности, этот топоним означает „вьющаяся река“. В работе Экуолла „Названия английских рек“ это название рекомендуется как „очень подходящее“ этой реке. Короче говоря, хоббиты, попав в Старый Лес, вышли за границы Заселья, но остались в пределах Малого Королевства. Том Бомбадил — дух этого места, которое не слишком сильно отличается от родины хоббитов; поэтому Том чем-то похож на самих хоббитов. Он так же неуклюж, так же щедр и, как они, не блещет красотой; он даже кажется, — но только кажется, — слегка туповатым. Старая Ива — несколько суженный вариант той же самой идеи, как и Златовика — впервые мы видим ее как бы „восседающей на троне посреди лесного пруда“: волосы ее струятся, как вода, платье зеленеет, подобно побегам тростника, у ног плавают белые водяные лилии, а талию украшают ирисы. Навье тоже обязано своим существованием именно оксфордскому пейзажу: всего в пятнадцати милях от Оксфорда находится самое большое в стране скопление курганов — в том месте, где равнины плавно переходят в зеленые беркширские холмы. „Кузница Виланда“ и другие названия должны были напоминать Толкину исландские сказания, в которых часто рассказывается об обитателях курганов, о диалектных „haugbuar“, или „hogboys“, „ведьмаках“. Что касается селения Бри, которое стоит у подножия Бри-горы, то происхождение этого названия таково: в трех милях от Уормингхолла и в десяти милях от Оксфорда сидит на своей кочке городок по имени Брилл. В этом названии хранится память о древних завоеваниях(19). Но „Бри“ по-валлийски означает „холм“, и поэтому название „Брилл“ („Brill“, от „bree-hill“) означает то же самое, что „Бри“ („холм“). Получается образование в некотором смысле невозможное, параллельное названию „Четский, или Четвудский, лес“ („Chetwood“, означает „лес+лес“; лес с таким названием располагается в Беркшире, как раз неподалеку от Брилла) и полярно противоположное таким названиям, как „Холм“, „Река“ или „Каррок“, полученным с помощью превращения первой буквы в заглавную. Толкину приглянулось имя Брилл по той

причине, что оно звучит „по-кельтски“: он не хотел упустить случая еще раз походя намекнуть, что хоббиты — иммигранты, что край, где они когда-то поселились, еще до их пришествия имел какую-то свою историю. И все же в течение первых страниц этап ста хоббиты блуждают по очень хорошо знакомой им местности. Им случалось, вообще-то, уходить и дальше. И этот пейзаж, и населяющие его существа — тоже в некотором смысле персонажи. Они сами отвоевывают себе место в повествовании. Но, замедляя действие, перегружая его избыточными, строго говоря, деталями, чуть ли не вытесняя основную сюжетную линию — линию Кольца — они одновременно выполняют ту же работу, что и карты с

именами: убеждают нас в реальности окружающего героев мира. Этот мир гораздо реальнее заурядного вымысла. Сверхъестественное в нем приближено к абсолютно естественному. Этот мир, как и наш, успел изрядно „поизноситься“ за время своего существования в результате тысячелетнего соседствования разных земель, языков и народов. Нет такого лингвиста, который бы мог при трезвом свете дня допустить, что названия мест порождаются самими местами, или что английские графства могут самостоятельно производить на свет Томов Бомбадиллов. И все-таки многие люди чувствуют, что названия зачастую точно соответствуют тем местам, которым они даны, при том что места эти обладают своим собственным характером. На этом смутном ощущении, не таком уж, между прочим, и нелепом, базируется изрядная часть средьземельской карты.

Все это, конечно же, почти ничего не добавляет к той истории, которой, собственно, посвящены первые десять глав „Властелина Колец“. Зато у нас появляется возможность предположить, что интересы автора ею не ограничивались. Наверное, анализ фантастического в этих главах хорошо было бы начать с таких элементов, которые не имели у Толкина долгой творческой истории и которые, на первый взгляд, приводят к возникновению противоречий. Возьмем, к примеру, ту важную сцену, когда Мерри пробуждается от навеянного Навьем сна и в первое мгновение не помнит ничего, кроме чужой смерти: „Сегодня ночью на нас напал Карн Дум! Мы разбиты! А! Копье в моем сердце!“ По-видимому, в Мерри ненадолго вселился дух мертвеца, кости которого покоятся в кургане. Но этот воин вряд ли мог после смерти превратиться в Навье, ведь Бомбадил вспоминает усопших князей и княгинь с теплым чувством! Чего же добивается Навье, и что оно собой представляет? Дух ли это умершего человека, посторонняя „тень“ или какие-то „выжимки“ самой смерти, льнущие к золоту, как в „Хоббите“ — драконье проклятие, делающее того, что положит глаз на проклятые сокровища, скупым и алчным? Невозможность точно ответить на эти вопросы, необъяснимость проявлений чуждого, иного мира (белые одежды, в которые кто-то облачил хоббитов под землей, корчащаяся рука, меч, положенный поперек горла) придают повествованию особую остроту, анализировать происхождение которой бесполезно. Но эта острота находится в тесной связи с общим ощущением весомости и убедительности изображаемого автором мира, о чем уже говорилось выше. Если бы Том Бомбадил не был существом совершенно независимым, *sui generis*(20), и при этом не вписывался бы с такой легкостью в общую картину, наряду с Кольцом, фермером Мэгготом, эльфами и Черным Властелином, — его образ был бы далеко не так значителен.

Примечания:

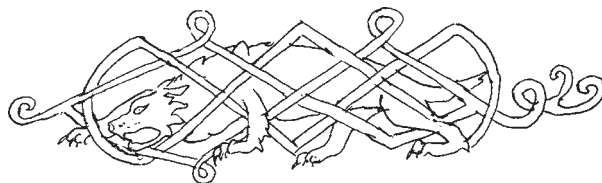
^{§§} То есть, не просто основанном на звукоподражании и не условном, но неким сложным образом отражающим внутреннюю структуру реальности. — М.К.

^{*} В нашем переводе ритмическая структура этого хорее несколько усложнена, — иногда безударная стопа, например, заменяется паузой, а иногда несет дополнительное ударение (заменяется спондеем), что, впрочем, происходит иногда и в английском оригинале, где главный признак ритмизованной речи Бомбадила — это наличие в строке двух основных ударений — М.К.

[§] В пер. В.Тихомирова „муж нерожденный“. — М.К.

^{*} Слово „*master*“ („господин“), употребленное здесь Шиппи, — это то же самое слово, которое употребляет во „Властелине Колец“ Златовика, называя Тома Бомбадила „хозяином“. — М.К.

^{**} В оригинале мужского рода. — М.К.

Д.В. Громов

Сообщество толкиенистов как
инициационная группа

(Круглый стол “Профессор Толкин и его наследие” в РГГУ, 2000 год. Данные тезисы не были зачитаны на конференции ввиду ограниченности времени выступления)

Вообще, мне кажется, что обсуждающийся на нашем Круглом Столе вопрос о том, являются ли толкиенисты религиозным или не религиозным сообществом - вторичен. С точки зрения социальной психологии определяющей чертой толкиенистского движения является то, что движение *выполняет функцию инициационного сообщества*.

Поясню свою мысль.

В традиционном обществе существовало понятие возрастной инициации: в определенном возрасте юноши или девушки проходили некоторые работы, обеспечивающие основательную перестройку психики, изменение сознания, поведения, картины мира - эти работы и известны как *инициации*. При прохождении этой психологической перестройки иницилируемый получал также новый социальный статус - он переходил из группы детей в группу взрослых, приобретая при этом права и обязанности взрослого.

Примечательно, что у разных народов сценарии прохождения инициаций в общих чертах совпадают. Среди “всеобщих” стадий юношеских (мужских) инициаций отметим следующие.

1. Инициация начинается с ухода посвящаемого из привычного для него мира.
2. Иницилируемые (напомню, речь идет о традиционных мужских посвящениях) образуют “стаи” - группы, состоящие из сверстников.
3. Иницилируемые подвергаются притеснениям, физическим и психическим нагрузкам (говоря образно, в той или иной степени переживают смерть).
4. Инициация включает в себя “духовную” часть - посвящение в тайны, сообщение секретных знаний.
5. Окончание посвящения подразумевает катарсис, снятие напряжения и возможных негативных впечатлений, сформировавшихся в ходе инициационных испытаний.

Вкратце психологический сценарий инициации можно выразить формулой “замри-умри-воскресни”.

Современная возрастная психология подтверждает действенность традиционных инициаций. Дело в том, что “инициационный возраст” совпадает с психологическим кризисом, сопровождающим переход из подросткового возраста в юношеский. Если подростковый и юношеский возраст являются относительно стабильными периодами жизни, то кризис между ними сопровождается коренной перестройкой как физического тела, так и психики.

Инициационные практики в традиционном обществе и были направлены на оптимизацию, сокращение времени прохождения и повышение эффективности прохождения юношеского кризиса (видимо, поэтому во многих традиционных обществах, практикующих инициации, данного кризиса просто не существует).

Несмотря на то, что инициации являются весьма эффективным и оптимальным педагогическим инструментом, современным обществом они не признаются. Однако, “свято место пусто не бывает” - многие современные подростковые группы *копируют инициационные черты*. Как правило, это происходит стихийно и основано на *психологической потребности подростков в совершении инициационных действий*. Эта потребность обусловлена закономерностями роста и выражается в следующих “подростковых” чертах характера:

- склонность к противопоставлению себя и мира, подчеркнутая “оппозиционность”;
- склонность к образованию “стай” - групп подростков равного возраста;
- склонность к экстремальности, “поиску приключений на свою голову”;
- агрессивность, тревожность;
- активный интерес к “познанию мира”.

В современном обществе роль инициационных объединений выполняют подростковые группы экстремального характера от “вполне лояльных” (туристические группы, военно-патриотические клубы, “школы выживания” и др.) до криминализованных.

Примером инициационной группы является “система” хиппи 1970-90-х годов.

Как мне кажется, потребность в инициации является основным мотивом и для большинства вступающих в толкиенистское движение.

Но насколько эффективно движение толкиенистов обслуживает “инициационные потребности” своих юных адептов? Для того, чтобы прояснить этот вопрос, сравним две инициационные группы - нынешних толкиенистов и хиппи десятилетней давности.

Эти группы имеют много общего:

- они включают в себя, в основном, интеллигентную городскую молодежь;
- большинство участников вступает в группу в младшем юношеском возрасте и через несколько лет покидают ее ряды, возвращаясь к “обычной” жизни; среди хиппи и толкиенистов относительно мало “олдовых” - людей более старшего возраста, оставшихся в “системе” “на всю жизнь”;
- и те, и другие составляют определенную оппозицию существующему обществу: в одном случае, это идейная оппозиция “цивильному” советскому и постсоветскому миру, в другом - создание собственной “виртуальной” реальности.

Однако, между двумя “системами” - хиппи и толкиенистов - существуют и различия.

Например, различна *степень вовлеченности в движение*. Тот, кто становился хиппи, вынужден был быть хиппи постоянно, невзирая на то, находится он на лохматой тусовке или же в некоем цивильном обществе, на работе, дома; хиппи легко было распознать в толпе, он обладал не только особой внешностью, но и особым поведением, особыми интересами и мировоззрением. Толкиенист же остается толкиенистом только на время тусовки или ролевой игры; выйдя за пределы “круга своих”, он, как правило, становится неотличим от “обычных” людей.

Как следствие, по разному у хиппи и толкиенистов складывались *отношения с обществом*. Хиппи, формально являясь движением, проповедующим “несоциальность”, тем не менее, занимали в обществе свою нишу - они были поведенческим и идеологическим противовесом, молодежной контркультурой (только спустя десять лет, с удивлением понимаешь, насколько же хиппи были социальны!). Субкультура толкиенистов же может быть расценена либо как непротиворечиво вписывающаяся в культурный контекст общества, либо как пересекшаяся с обществом.

...А теперь, совершив отступление в сравнительную характеристику “систем” хиппи и толкиенистов, вернемся собственно к теме данного выступления - определению *степени инициационной эффективности* движения толкиенистов.

К сожалению, движение толкиенистов в том виде, в котором оно сейчас существует, *не содержит* в себе ряд элементов, необходимых для полноценной инициационной перестройки психики.

Например, как мы рассмотрели выше, инициация предполагает *уход из привычного мира*. У хиппи этот “уход” (естественно, в определенных рамках) происходил автоматически: общественное мнение в советском обществе было так настроено против непохожести во внешнем виде (не говоря уже об “идейном содержании”), что любой, имеющий хипповый “прикид”, сразу становился в глазах окружающих изгоем, человеком другого мира. Идущий по улице длинноволосый шел как бы сквозь строй - все на него оглядывались; в 1960-70-е годы за внешний вид могли выгнать из школы, института (не говоря уж о комсомоле), и общественное мнение, и официальная пропаганда рисовали хиппи как представителей контркультуры, оппозиционных обществу.

В отличие от хиппи, толкиенисты, как мы уже рассматривали, не “уходят” из общества, не противопоставляют себя ему. Вернее, противопоставление происходит, но оно не проявляется внешне и носит даже не “внутренний”, а чисто “виртуальный” характер. Отсутствие ухода из привычного общества (или исключительно “виртуальный” характер этого ухода), несомненно, уменьшает эффективность инициационной ситуации.

Инициация подразумевает достаточно сильное физическое и психологическое давление на иницируемого. “Условия игры” хиппи предполагали такое давление. Как уже говорилось, принявший на себя образ хиппи автоматически входил в конфликт с обществом, и этот конфликт был зачастую очень болезненным: чего стоили, хотя бы, взаимоотношения с другой молодежной (и тоже, кстати, инициационной) группой того времени - люберами. Кроме того, стиль поведения хиппи поощрял (что иногда доходило до абсурда) физические трудности: это относится к автостопу (что-то вроде кланового вида спорта), подчеркнутой нелюбви к комфорту, сведению к минимуму личного имущества.

Это инициационное правило не соблюдено в современном толкиенистском движении: нынешние толкиенисты не имеют “естественных врагов”, конфликты с обществом сводятся, разве что, к непониманию со стороны родителей. “Экстремальность” исчерпывается дождем, несвоевременно пролившимся над полигоном во время проведения “хишки”.

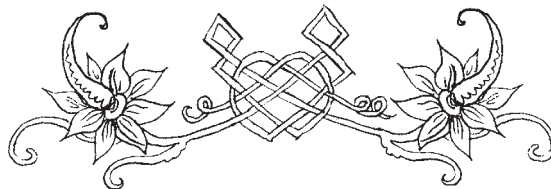
Наконец, третий инициационный элемент, недостаточно полно представленный в толкиенизме - “*посвящение в тайну*”. Предчувствуя негодующие возражения, оговорюсь - несомненно, движение толкиенистов действует как “обучающая система” (что не удивительно, при условии наличия здесь большого количества интеллектуалов); однако...

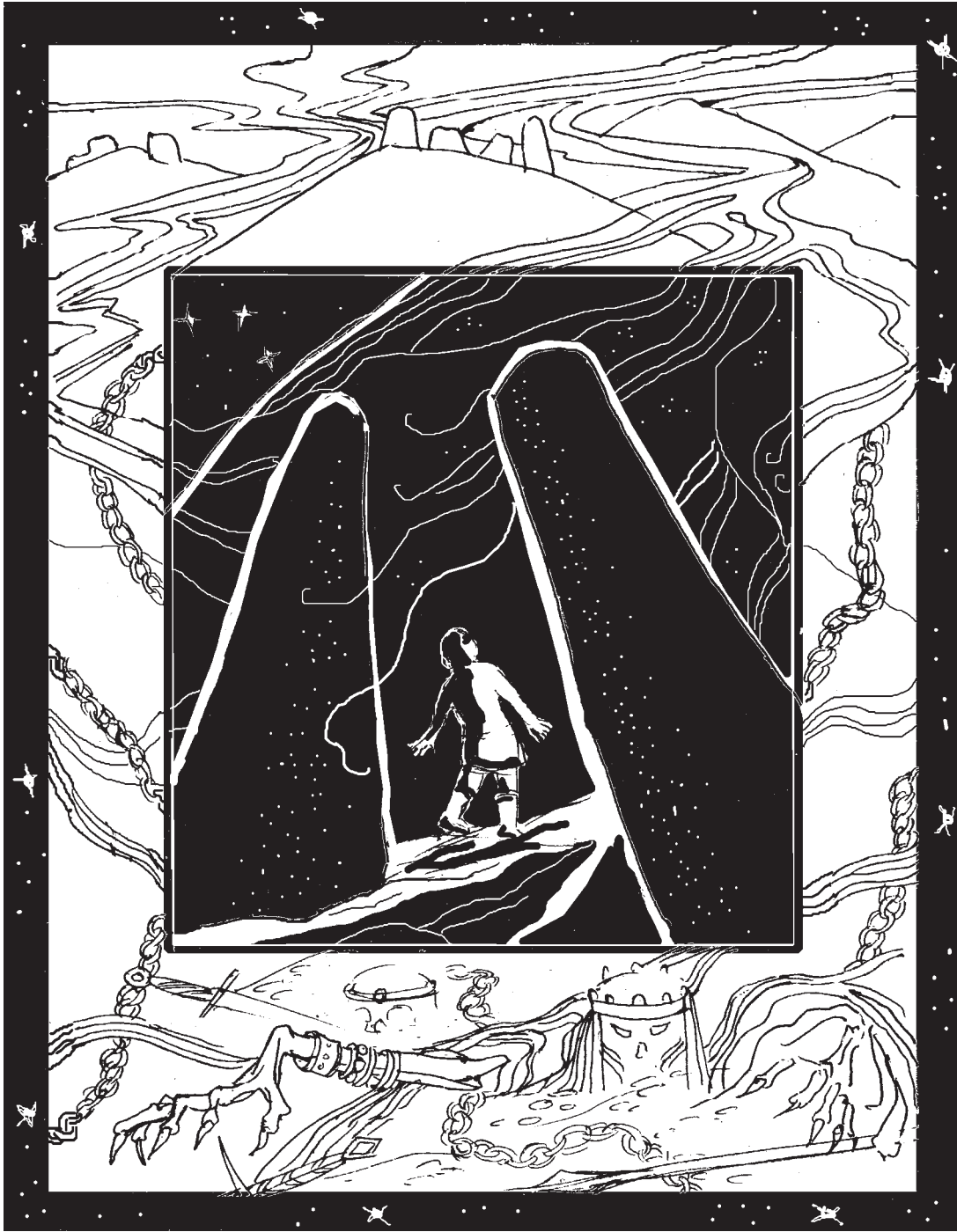
“Правила игры” хиппи, действительно, создавали множество “обучающих” жизненных ситуаций, причем “тайны”, которые “иницируемый” имел шанс осознать, постигались на собственном опыте. Используя газетную терминологию того времени, можно сказать, что “система” хиппи, действительно, была своеобразной “школой жизни” (по крайней мере, входящий в “систему” имел шанс в меру своих способностей эту школу пройти).

В “виртуальном” мире толкиенизма “тайны”, познаваемые участниками, также виртуальны, что, несомненно, уменьшает инициационную эффективность движения (участник движения имеет недостаточно много шансов для инициационной психологической перестройки; по крайней мере, меньше, чем мог бы иметь).

Итак, подведу итог сказанного.

Мы рассмотрели толкиенистское движение не с точки зрения религиозности (или не религиозности), а с точки зрения его *инициационности*. Действительно, в основе психологического механизма, приводящего многих адептов в ряды движения, лежит потребность в инициации; однако, ввиду сложившихся на настоящий момент “условий игры” эта потребность удовлетворяется недостаточно полно.

Унокouца